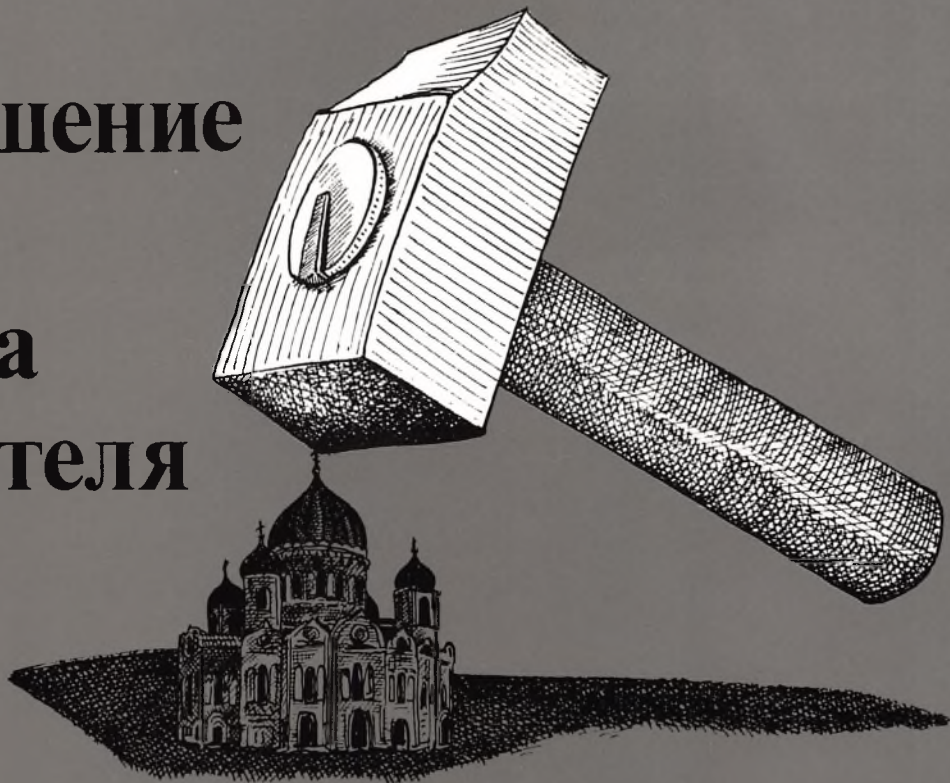

Разрушение Храма Христа Спасителя

**РАЗРУШЕНИЕ
ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ**

THE DESTRUCTION OF THE CHURCH OF CHRIST THE SAVIOUR (Samizdat photographs)

**With an introduction
by Irina Ilovaiskaya-Alberti**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1988**

РАЗРУШЕНИЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ (Самиздат)

**Вступительная статья
Ирины Иловайской-Альберти**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1988**

RAZRUSHENIE KHRAMA KHRISTA SPASITELIA
(Samizdat photographs)
With an introduction by Irina Ilovaiskaya-Alberti

First Russian edition published in 1988
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

ISBN 1 870128 90 7

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Несколько лет назад на Западе были получены удивительные документы: альбом фотографий, снятых во время разрушения в конце 1931 года храма Христа Спасителя в Москве, с пояснениями и комментариями, которые писались тогда же, когда делались снимки. И то и другое — дело рук разрушителей, очень гордившихся тем, как они сумели найти решение сложностям разрушения, как справились с самыми крепкими, не хотевшими падать частями храма, как блестяще выполнили возложенное на них властями задание — сравнять с земной поверхностью святыню так, чтобы не осталось о ней никакой памяти, во всяком случае — никаких наглядных воспоминаний. Документация о разрушении храма собиралась исключительно с целью подтвердить таким образом рвение и высокое качество работы разрушителей. Она не предназначалась к публикации; на Запад она попала потому, что нашлись смелые люди, сумевшие сделать копии и убежденные в том, что история разрушения храма Христа Спасителя — одно из тех "белых пятен" советской истории, которые необходимо удалить. Теперь, наконец, после долгих мытарств, эта документация (подчеркиваю — собранная тогда, когда официальных разговоров об устранении "белых пятен истории" в Советском Союзе еще не было) нашла свой путь к издателям. Тот факт, что работа над этим началась давно, представляется нам особенно значительным. Процесс раскрепощения сознания и поисков правды начался в советском обществе задолго до прихода к власти нынешнего партийного руководства.

Как известно, храм был построен по воле императора Александра I в знак благодар-

ности за избавление России от наполеоновского нашествия. Александр I объявил о данном им обете — возвести храм, размеры и архитектура которого должны были быть выражением глубины благодарности и пережитых волнений, — в конце 1812 года. 25 декабря (по старому стилю), то есть в день Рождества Христова, был издан Высочайший Манифест, в котором среди прочего говорилось:

”В сохранение вечной памяти и того беспримерного усердия, верности и любви к вере и отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозящей ей гибели, вознамерились Мы в престольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа... Да простоят сей храм многие века и да курится в нем кадило благодарности до позднейших родов вместе с любовью и подражанием к делам их предков...”

Первый проект храма был создан архитектором Александром Витбергом. Храм должен был стоять на склоне горы или холма и состоять из трех корпусов. Нижний храм, иссеченный в горе, имел форму гроба с тяжелым порталом, поддерживаемым колоннами. Дневной свет должен был падать в него из второго храма, проходя сквозь прозрачный образ Рождества.

В этой крипте должны были покоиться герои, павшие в 1812 году; вечная панихида должна была служить об убиенных на поле битвы, по стенам должны были быть иссечены имена всех их, от полководцев до рядовых.

Второй храм должен был символизировать жизнь, страдание, труд. К нему должна была вести колоннада, украшенная статуями ветхозаветных патриархов и пророков.

Наконец, над ним должен был возвышаться "третий храм, в виде ротонды... ярко освещенный храм духа, невозмущаемого покоя, вечности...". Так описал проект близкий к Витбергу А. Герцен (И. Э. Грабарь считает, что проект Витберга был романтическим и экзальтированным архитектурным бредом). Эскизы и чертежи витберговского храма целы; они хранятся в Архитектурном музее на Воздвиженке и публиковались не раз.

Витберг сначала предложил строить храм в Кремле между Тайницкими воротами и Беклемешевской башней. Но это предложение было отклонено Александром I, считавшим невозможным что-либо разрушать в древнем Кремле. После этого было предложено (и отклонено) несколько мест; наконец, остановились на Воробьевых горах.

Торжественная закладка храма состоялась 12 октября 1817 года. Почти все население Москвы (около 100 тысяч человек) стеклось на Воробьевы горы. Но проект не был осуществлен.

Н. В. Берг, сын казначея Комиссии, вспоминал в 1872 году (очевидно, по рассказам отца): "В деле стройки он (Витберг) запутался как поэт, не умевший вести никаких счетов, полагавший, что это не нужно, что это свершится как-нибудь само собою".

После кончины Александра I высочайшим повелением от 16 апреля 1827 года Комиссия по сооружению храма во имя Христа Спасителя была закрыта. В 1830 году Николай I приказал составить вновь проект храма, который "не представлял бы особенно важных затруднений к осуществлению его". В 1832 году был одобрен проект К. А. Тона, но лишь в 1837 году создана новая "Комиссия по сооружению храма".

Жизнь Константина Андреевича Тона очень мало похожа на жизнь Александра Лаврентьевича Витберга. Тон умер в возрасте 86 лет, увидев воплощенным все, что

задумал, полное торжество созданного им стиля. Храм Христа Спасителя был открыт в 1887 году, но так как он строился 45 лет, можно смело сказать, что Тон увидел свой главный труд практически законченным. Тона поругивали и при жизни, но он, к счастью, не дожидаясь того времени, когда началось высокомерное отрицание всего им сделанного, как "безвкусицы в ложнорусском духе"; это отрицание стало в начале XX века почти общим местом.

Место для храма выбирал в 1836 году лично Николай I, решивший не доверять такой важный вопрос архитектору. Он облюбовал место неподалеку от Кремля, где свыше трехсот лет находился Алексеевский женский монастырь. В храме монастыря находилась чудотворная икона Богоматери-целительницы и другая знаменитая икона – Грузинской Божьей Матери. Избрав место, император велел строить новое помещение для монастыря в Красном селе.

Русский архитектор Нина Потапович-Молинье, изучавшая историю построения и разрушения храма Христа Спасителя, в комментариях к публикуемым нами документам пишет следующее:

"В многочисленных устных преданиях, связанных с храмом Христа Спасителя, важную роль играет утверждение, что строился он на средства, собранные по всенародной подписке. Мне приходилось слышать и такую подробность: крупные взносы не принимались, это был храм, построенный буквально на лепту вдовицы, на пожертвования участников войны, их семейств; каждый рубль что-то значил для жертвователя, это были не шальные капиталы купцов-миллионеров, не наследственные деньги дворян; зато каждый гривенник вносился с теплым чувством и гордым сознанием того, на какую пре-

красную цель он пойдет. Именно этим и объясняли, что строительство храма растянулось на сорок пять лет. В особенно убедительном изложении слышала я эту версию в Томске, сразу по выходе в Самиздате романа "В круге первом", от 86-летнего профессора, ненавидевшего все советское с пылкостью 18-летнего юноши, памяти которого этот же юноша мог бы позавидовать. Он передавал рассказ своей матери, родом из крестьян Саратовской губернии, как ее, совсем еще девочку, в конце восьмидесятых годов, едва в доме заводилась лишняя копеечка (копеечка — это буквально!), дед, участник Бородинской битвы, посылал опустить эту копеечку в церковную кружку с надписью "На построение храма Спасителю Христу в Москве". Жили они на окраине Саратова, рядом с "Немецкой слободой", и она помнила, как в ту же церковь заходили обитавшие в слободке французы, обычно православную церковь не посещавшие, поскольку имели свой католический храм, и тоже опускали деньги в эту кружку! Признаюсь, подробность про саратовских, да еще *слободских французов*, слегка смутила меня, но, как это часто бывает в жизни, мне немедленно попало в какой-то книге описание того, как в 1813 г. именно в Саратов выслали пленных, часть из которых затем, имея за плечами республиканское прошлое, побоялись возвращаться во Францию Людовика XVIII и Карла X, да так и остались в Саратове навсегда. И эта подробность задним числом добавила рассказу и достоверности и трогательности.

Однако в вырезках из русских газет и журналов мая-июня 1883 года с многочисленными описаниями храма Христа Спасителя и изложениями, на всякий лад, истории его построения, которыми я располагаю, нигде о всенародной подписке не упоминается.

Наоборот, всячески подчеркивается, что храм обошелся *казне* недешево, "с лишком за 15 миллионов рублей".

Думаю, что обычный *кружечный сбор*, проводившийся на эту цель многие годы по всей стране и заведомо давший немалые деньги, позже превратился в сознании и памяти людей во Всероссийскую подписку".

Возведение храма Христа Спасителя продвигалось сравнительно медленно. И это не удивительно, если учесть ту тщательность, с которой оно велось. Толщина кирпичных стен составляла 3 м 20 см. Всего на строительство ушло сорок миллионов кирпичей. Снаружи храм был отделан мраморными плитами. Соединения мраморных частей с кирпичом заливались свинцом.

Внутри нижняя часть стен облицовывалась мрамором и мозаичным камнем. Выше должна была располагаться священноисторическая живопись. Ее обыкновенно делают по штукатурке — и вот, помня, что храм задуман на века и века, чтобы никогда не подвергать живопись риску отсыреть от стен, штукатурку под живопись решили делать не по кирпичу, а *относным способом*. Это очень тяжелый, дорогой и трудоемкий способ, но радостное чувство созидания вечного памятника отодвигало подобные доводы в тень. В сотнях и сотнях квадратных метров стен, сводов и потолка высверливались частые дыры в шахматном порядке, куда вколачивали деревянные пробки. В пробки забивали луженые железные костыли, чтобы они торчали над кирпичом на одинаковой высоте. Затем все это густо оплеталось луженой проволокой, а образовавшуюся сетку дополнительно перевивали пенькой. На эту сетчатую поверхность набрасывался раствор цемента. В полутора вершках (около 7 см) от кирпичной поверхности получался отдельный,

твердый как камень слой для будущей живописи. Эта огромная работа была окончена лишь в 1871 году.

В 1846 году был сведен свод большого купола, к 1848 году купола и крыла уже одеты медью. Общий вес меди составил 176 тонн. Все главы, кресты, шары под крестами, цепи, удерживающие кресты, а также балюстрады крыши вызолочены. На позолоту пошло неправдоподобное количество золота: 25 пудов и 31 фунт или 422,2 кг. Это не покажется, впрочем, таким уж удивительным, если вспомнить, что поверхность только главного купола составляла почти три тысячи квадратных метров (при диаметре 30 метров и высоте 27,7 метра). Цепи большого креста имели длину 23,5 метра, малых – 11,4 метра; диаметр шара 2,1 метра, высота большого креста 8,5 метра.

Леса были окончательно сняты в 1858 году (согласно "Московским ведомостям") или в 1860-м (согласно "Газете Гатцука"). Значит, горельефы были уже к тому времени на месте – без лесов их не установить, и храм вошел в пейзаж Москвы в наружно готовом виде. Вошел всего на семьдесят с небольшим лет.

Хотя он и был задуман как памятник войне 1812 года, храм не мог, конечно, иметь батальных изображений. Однако многие рельефы должны были заменять такие сцены, ибо их сюжеты подбирались сообразно с датами решающих сражений.

Лишь на западной стороне храма – обобщающая символика. Здесь Христос Спаситель, подъявший в благословении руку, окружен Силами Небесными со знаками их служения. Над аркой ворот два ангела держат хартию с надписью "Господь Сил с нами". По сторонам и ниже от Христа св. Александр Невский и свят. Николай Чудотворец

напоминают о том, что им посвящены два боковых придела храма (находились на хорах). Посвящены же им были эти приделы, как нетрудно догадаться, в связи с тем, что они соименны императорам-храмосоздателям.

В память московского ополчения 1812 года, имевшего вместо знамен церковные хоругви, на арке малых врат были помещены два ангела с крестообразно склоненными хоругвями. В правом углу западной стены Давид передавал Соломону чертежи Иерусалимского храма, на левом – горельеф изображал помазание Соломона на царство. Вся западная стена была исполнена Логановским.

На южной стене, в средней большой арке находилось изображение Пресвятой Богородицы Смоленской: именно этот чудотворный образ постоянно пребывал при войсках, накануне Бородина его носили перед рядами солдат.

В четырех малых арках: св. Роман Рязанский – в память сражения при Клясицах 19 июля 1812 года; св. апостол Фома – в память сражения при Полоцке и Тарутине 6 октября, Иоанн Креститель – в память о Малоярославце 12 октября и св. Иоанн, архиепископ Новгородский – в память боя при Красном 5 ноября. Под аркой больших врат – группа "Явление Архангела Михаила Иисусу Навину", на углах: справа – Авраам возвращается после победы над царями, его встречает Мельхиседек; слева – Давид, встречаемый с триумфом после победы над Голиафом.

На обращенной к Пречистенке северной стороне храма, над аркой больших врат – Пресвятая Богородица Иверская. В четырех малых арках – св. муч. Лавр (сражение при Кульме 18 августа 1813 года), св. муч. Сергей (взятие Лейпцига 7 октября 1813 года), св. Георгий Двоеслов (поход на Париж 12 марта 1814 года), св. муч. Хрисанф (взятие

Парижа 19 марта). При арке малых врат — св. Владимир, Креститель Руси, и св. благоверная княгиня Ольга. При оконной арке — справа св. апостол Андрей Первозванный. Слева там же — св. князь Даниил Московский, сын Александра Невского, родоначальник князей московских, и св. Савва Звенигородский. Последние два рельефа — работы Рамазанова. По углам — сцены из русской истории, напоминающие 1812 год: преп. Сергей Радонежский благословляет князя Дмитрия Донского на брань с татарами и дает ему могучих иноков Пересвета и Ослябю; преп. Дионисий благословляет Минина и Пожарского на освобождение Москвы от поляков.

Очень важную составную часть внутреннего убранства храма составлял элемент военно-исторический, в православных храмах почти неизвестный. По обычаю древнехристианских церквей, вокруг внутреннего храмового пространства был предусмотрен коридор шириной более четырех метров. Стены коридора образовывали 177 мраморных плит с памятными надписями о войне 1812 года и о заграничных походах русских войск 1813–1814 годов. На плитах изложено в хронологическом порядке описание сражений. Сделано это в каждом случае единообразным способом: время и место, главноначальствующие лица, подробный перечень войск, принимавших участие в деле, имена убитых и раненных офицеров, общее число выбывших из строя нижних чинов (в витберговском храме предусматривались *имена всех*), имена отличившихся, то есть получивших награды (только высшие награды и без обозначения оных), и отдельно — имена лиц, награжденных орденом св. Георгия. Имена отличившихся и георгиевских кавалеров приводились независимо от чина.

На плитах коридора приводился также фактический интересный материал. Дворянство 15

губерний (Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Нижегородской, Костромской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Вятской) выставило на защиту отечества 208.665 ратников, вооруженных и снабженных одеждой, лошадьми, жалованием и провиантом на время от 3 до 8 месяцев, не считая многих тысяч ратников, доставленных и снаряженных частными лицами. Дворянство, кроме личного, почти поголовного своего участия в рядах воинов и кроме составленного им из своих крестьян вооруженного ополчения в 280.000 ратников, содержимого во все время войны на его средства (что превысило 50 миллионов рублей), еще жертвовало деньгами, провиантом, волами и лошадьми — и эти жертвы простирались до 42 миллионов рублей. Денежные и вещевые пожертвования купечества, мещан и крестьян превысили 10 миллионов рублей. (Правда, на другой плите царский Манифест от 18 июля 1812 года утверждал, что одно только московское купечество денег жертвует "с лишком до десяти миллионов... Нельзя быть не тронуту до слез, видя дух, оживляющий всех".)

Еще важные сведения:

"Не желая, чтобы доставалось в пользу врага их имущество, жители Великороссийских губерний принесли отечеству жертвы беспримерные, размер коих, вместе с произведенными неприятелем грабежами и пожарами" по всей империи превысил 652 миллиона рублей; из этого числа жертв на долю одной Москвы пришлось 280 миллионов рублей, то есть почти половина. Кроме того, "множество частных лиц откликнулись на призыв Государя, формируя на свой счет целые полки, обязуясь в определенные сроки жертвовать десятки и сотни тысяч рублей на спасение отечества".

Всего на 177 плитах было вырублено свыше двухсот тысяч букв. Коридор храма Христа Спасителя был настоящей историей Отечественной войны. Кстати, профессиональные историки приходили сюда за справками, поскольку даже в капитальных изданиях не мог быть приведен весь мартиролог убитых и раненных офицеров, имена всех получивших высшие награды, весь этот изрядный фактический материал.

В 1861–1881 годах (но, в основном, после 1871 года) производилась внутренняя роспись храма. Не доживший до этого Николай I предполагал, что живопись в храме Христа Спасителя будет в византийском духе. Его сын от этой мысли отказался, но и он надеялся, что храм, "как исторический музей, представляя собой собрание художественных произведений, укажет будущим поколениям ту степень совершенства, до которого достигло современное искусство в России".

Выбор сюжетов давно был сделан. Во всех случаях изображения святых Комиссия по сооружению храма обращалась в те епархии, где были известны явленные и чудотворные иконы этих святых, и просила прислать точные с них копии, засвидетельствованные на обороте рукой настоятеля монастыря или церкви. Однако в изображениях лиц с незасвидетельствованной внешностью художник был достаточно свободен.

"Когда в 1931 году большевики печатно обосновывали и оправдывали крайнюю необходимость снести храм, — пишет Нина Потапович-Молинье далее, — было много слов о том, что живопись храма безжизненна, академична, антихудожественна. Читая их, можно было подумать, что изящные искусства только тогда и вздохнут спокойно, когда этот двадцатилетний труд нескольких десятков художников будет, наконец,

уничтожен. У меня нет уверенности, что данный текст удастся сопроводить фотоснимками или, тем более, репродукциями погибшей живописи. Я попробую поэтому рассказать о ней.

Прежде всего, некоторую идею о живописи храма Христа Спасителя может дать чудом спасшийся Владимирский собор в Киеве, снести который не раз предлагали на страницах "Безбожника", "Антирелигиозника", "Атеиста" и прочих подобных изданий. Киевский храм расписывался в восьмидесятые годы, сразу по завершении московского, требования духовенства оставались теми же и, если знающий историю русской живописи читатель попробует мысленно усреднить силы и талант того и другого коллектива художников (киевский был много меньше и включал В. А. Котарбинского, братьев Сведомских, М. В. Нестерова, М. А. Врубеля, В. М. Васнецова), то, вероятно, придет к выводу, что они, в разумных пределах, близки. В маленьком киевском списке, как и в большом московском, представлено и византийско-русское направление и мера "салонной" живописи, и академизма, и того, что уже доживало свои дни, и того, чему еще предстояло сказать свое слово в искусстве. /.../

Храм Христа Спасителя расписывали не менее, чем 38 художников. Это, по алфавиту, В. И. Алтынов, П. В. Басин, Я. С. Башилов, Н. К. Бодаревский, Ф. А. Бронников, Ф. А. Бруни, Н. М. Быковский, В. В. и Н. М. Васильевы, К. Б. Вениг, В. П. Верещагин, Н. А. Горбунов, Л. В. Даль, Ф. С. Журавлев, А. Е. Карнеев, А. И. Корзухин, Н. А. Кошелев, И. Н. Крамской, Н. А. Лавров, А. Д. Литовченко, И. К. Макаров, В. Е. Маковский, А. Т. Марков, К. Н. Мартынов, Т. А. Неф, Л. П. Пигулевский, П. Ф. Плешанов, И. М. Прянишников, Г. С. Седов, Г. И. Семидарский, Е. С. и П. С. Сорокины, В. И. Суриков, И. И. Тво-

рожников, ?? Тюрин, В. Д. Фартусов, П. М. Шамшин, П. С. Шильцов. Замечательный список, если вдуматься. Если Басин, старый товарищ Тона, с которым он вместе уезжал в Италию, и Бруни, блестящий академик и романтик, ректор АХ, родились еще в XVIII веке, то не меньше полудюжины художников здесь увидели свет на полвека позже этих могикан, а трое умерли уже после потопа, то есть могут просто считаться нашими современниками.

Просмотрев список внимательно, мы зададим себе вопрос: уж не подбирались ли эти художники с тайной целью отразить весь спектр тогдашней русской живописи? Разумно было бы ожидать, что это будут строгие академики, мастера религиозно-аллегорической живописи. Но мы видим *передвижников* Крамского, Литовченко, Журавлева, Коржухина (участников "бунта четырнадцати", положившего начало движению передвижников; Журавлев во время работы в храме состоял под полицейским надзором "за политику"), Маковского, Сурикова, Прянишникова (член-учредитель товарищества передвижных выставок). Тут представлена, условно говоря, импозантность (Семирадский) и условно говоря, красивость (Неф), "русскость" (Верещагин), "византийство" (Марков), представлены живописцы исторические, жанровые, бытописующие, вскрыватели социальных язв, портретисты, баталисты. Кого нет почти ни единого, так это специально церковных художников.

Если мысленно окинуть взглядом всю картину русской живописи на отрезке 1871–1879 гг., то есть когда было выполнено девять десятых работ по росписи храма, мы сможем назвать всего четверых крупных русских художников, которые в это время теоретически могли бы, но практически не участвовали в работах в храме. Это Поленов,

Ге, Репин и Чистяков. Из остальных памятных имен отпадают: Айвазовский и Боголюбов как сугубые маринисты, Куинджи, Шишкин и Саврасов как питавшие отвращение к изображению людей; Перов как слишком уж явный антиклерикал – даже в глазах кротких иерархов Комиссии для построения храма; В. В. Верещагин как воинствующий реалист.

После такой каталогизации уже нельзя не признать, что артель художников храма Христа Спасителя отражала тогдашнюю русскую живопись на диво представительно.

Стоит еще упомянуть, что храм Христа Спасителя сам не раз становился темой живописи. Чаще писали его наружный вид – в разных сочетаниях с Кремлем и рекой. А в запасниках Русского музея мне когда-то показывали прекрасную картину профессора АХ Федора Клагеса (1812–1890) "Внутренний вид храма Христа Спасителя", написанную вскоре после освящения храма в 1883 году /.../.

Кроме храма Христа Спасителя и Владимирского собора в Киеве, третьей вершиной (с точки зрения внутреннего убранства) этого синтеза я назвала бы Морской собор в Кронштадте. Ныне он превращен в Дворец культуры военно-морского флота, разделен внутренними ярусами на этажи /.../. Все фрески, разумеется, замазаны масляной краской, каковая, надеюсь, хорошо сохранит их до лучших времен".

Очень важная роль во внутреннем убранстве храма принадлежала бронзе. Галерея, на которую выходили хоры, была огорожена бронзовыми перилами высотой 2 аршина (142 см) с одиннадцатью бронзовыми же столбами. На перилах крепились 264 позолоченных

бронзовых подсвечника, а на столбах были канделябры. Всего на галерее зажигалось 640 свечей. Сами же хоры освещались другими 640 свечами в бронзовых подсвечниках.

Внутреннее пространство храма освещала бронзовая люстра-паникадило о 148 свечах в три яруса, весом 3,7 тонны, две двухъярусные стосвечовые люстры, восемь люстр по 43 свечи, 12 — по 42 свечи и 12 — по 24 свечи. На пилонах были укреплены 78 бра по 3 свечи.

Над Горним местом в апсиде находилась бронзовая позолоченная решетка с 21 подсвечником, на стенах алтаря — 72 подсвечника, в напрестольной сени — 64, перед престолом — огромный, почти в 2 метра высотой, бронзовый позолоченный семисвечник шириной, по линии свеч, 1 м 20 см. Два семисвечника поменьше стояли перед малыми алтарями, не считая 22 чеканных, с эмалями, небольших подсвечников.

По мраморной облицовке коридоров укреплены были 208 бронзовых подсвечников. Ниши и кiotы освещались 12 золочеными бронзовыми люстрами. Люстра о семи свечах и семи лампадах была изготовлена для главного горнего места и две поменьше — для приделов. Этот список светильников не завершается предиконными 39 лампадами, ибо невозможно перечислить, сколько бронзовых фонарей было на лестницах и во внутренних помещениях, не говоря уже о многочисленных чеканных, из прорезной меди, выносных подсвечниках. Случалось, что было одновременно зажжено за три тысячи светильников (хотя все не зажигались, по-видимому, никогда) — и это не считая свеч, горевших в руках у молящихся.

Поражали своей красотой и бронзовые позолоченные царские двери, и также северные и южные двери главного иконостаса. Внутри храма в арках также были бронзовые

решетчатые двери, почти всегда распахнутые — три больших, весом по 1,7 тонны, и шесть малых — чуть меньше, чем по полторы тонны.

Из золоченой бронзы были кресты в алтарях, рамы для икон; бронзовыми — и всегда сиявшими, как солнце, — были все розетки и поручни.

На гранитных крыльцах были установлены шесть фонарных колонн из желтого алтайского мрамора и две — из подольского мрамора, на четыре ярких газовых фонаря каждая.

Нет никакой возможности описать всю серебряную утварь (работы Овчинникова, Хлебникова, Постникова, Чичилева). Особенно выделялись: на престольный золоченый крест с эмалями, эмалевым распятием и аметистами; Евангелие, по рисунку Л. В. Даля, лицевая сторона которого представляла собой стилизованный иконостас; дарохранительница с порфировым пьедесталом; архиерейский золоченый посох, обильно украшенный эмалями; три пары удивительной красоты позолоченных брачных венцов.

Перлом деревянной работы были дубовая рака под Плащаницу, резная и инкрустированная цветным деревом, дубовые двери в главном алтаре и дубовый амвон для торжественных богослужений.

Главный иконостас был сделан в виде восьмигранной часовни из белого мрамора с инкрустацией из других пород мрамора, увенчанный позолоченным бронзовым шатром. В иконостасе на всех восьми его гранях было четыре яруса гнезд для икон.

На четырех колокольнях висело 14 колоколов, общим весом 65 тонн. Большой ("Торжественный") колокол весил сам 27 тонн, а язык 896 кг, имел диаметр 8 м 56 см

(или 3 м 56 см?). Праздничный ("Воскресный") весил 16 тонн, "Полиелейный" – примерно 10 тонн. Два самых маленьких колокола весили 14 и 10 кг.

"Лето 1882 года. Храм совершенно готов, но стоит пока закрытый. Осмотрим же его со всех сторон повнимательнее, зайдём внутрь, поднимемся на хоры – благо он ещё не наполнился толпами молящихся.

Основание храма представляет собой равноконечный крест. Фасад одинаков со всех четырех сторон. Высота храма до вершины креста 103 м 48 см. Это, конечно, не 235 метров витберговского храма, однако колокольня Ивана Великого вместе с крестом встала бы под яблоко купола храма Христа Спасителя. Исаакиевский собор на 2 м ниже его. При этом храм – и не плод гигантомании. Он не старается выглядеть огромным. Напротив, только отойдя на значительное расстояние, можно понять его истинные размеры. /.../

Барабан главного купола лежит на восьмигранном основании диаметром в 30 м и обведен рядом колонн, соединенных арками, под которыми через одну пробиты окна. Высота окон 8 м 25 см, ширина 1 м 80 см. Рамы окон бронзовые, двойные, весом 4,1 тонны каждая. Зеркальные стекла в них 1/8 дюйма толщиной. Окон в барабане 16. Основание позолоченного купола или, вернее, луковицы (высотой, как я уже упоминала, 27,7 м) окружено мраморной колонной о 26 зубцах. Корона несколько шире барабана, и луковица, таким образом, как бы вставлена в корону.

Площадь, занимаемая храмом, 6823 квадратных метра. Насколько мощны его стены и пилоны, можно судить по тому, что внутренняя площадь храма "всего" 3990 кв. м, то

есть составляет 58% занимаемой им поверхности. Площадь алтаря 510 кв. м. Расчетная вместимость храма 7200 человек (без приделов, коридоров и хоров). Максимальная – 15 тысяч. Объем внутреннего пространства – 102 тыс. кубических метров. Это почти равно объему земли, который был вынут при рытье фундамента храма (106,3 тысячи кубометров). На первый взгляд странно, ведь фундамент был не глубже 13 метров, но таковы цифры. Правда, котлован всегда обширнее здания, и на месте храма был к тому же срыт и разравнен большой косогор.

На хоры выходит 36 окон такого же размера, как и на барабан купола, а в нижний коридор – 18 несколько меньших окон. Только бронза оконных рам храма весит 256 тонн. На каждую из больших дверей (тех, с толстовскими барельефами) пошло по 14,4 тонн бронзы, а на все 12 – почти 140 тонн.

Вокруг храма устроена красивая площадь и набережная до Большого Каменного моста, разбит сквер. Тротуар, ведущий вокруг храма, – из красноватого финляндского гранита. К входным дверям ведут по 15 таких же гранитных ступеней. С южной стороны от храма к Москва-реке ведет широкая и отлогая каменная лестница. На реке устроена постоянная "иордань" для торжественных водосвятий 6 января.

При высоте за 100 метров храм достаточно далек от Кремля, чтобы не подавлять его. С какой стороны ни посмотри, он красиво вписывается в силуэт Москвы и замечательно отражается в речных водах..." (Из описания Н. Потапович-Молинье).

Десять дней спустя после коронации Александра III в Кремле, 26 мая 1883 года, состоялось освящение храма, явившееся завершением коронационных праздников.

Освящение придела свят. Николая состоялось 12 июня, придела св. Александра Невского — 8 июля. Передача храма "Управлению по заведованию Московским кафедральным во имя Спасителя Христа Собором" окончилась 30 марта 1884 года. 1 июня 1884 года упразднена Комиссия для построения храма.

На западном крыле храма была укреплена мемориальная доска с надписью:

**ЗАВЕЩАНО ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ ПЕРВЫМ
ЗАЛОЖИЛ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
10 сентября 1839**

**при председателе Комиссии Д. В. Голицыне
по проекту архитектора Тона**

*Аще не Господь созиждет дом,
всуге трудишася зиждущии*

**ДОВЕРШИЛ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ
ОСВЯЩЕН ПРИ ИМПЕРАТОРЕ АЛЕКСАНДРЕ ТРЕТЬЕМ
26 мая 1883**

**Окончен при председателе Комиссии В. А. Долгорукове
архитекторами Константином Тоном
и Александром Резановым**

5 августа 1917 года в храме Христа Спасителя открылся Всероссийский Поместный Церковный Собор. Избрание патриарха Тихона состоялось в храме через три месяца после начала работы Собора. А 12 ноября состоялось Соборное моление обо всех убитых

в дни переворота. В обращении к москвичам говорилось:

”Жители Москвы — богатые, и бедные, и знатные, и простые, и военные, и не военные — все приглашаются, забыв всякую партийную рознь и помня только завет великой любви, объединиться в церковной молитве о блаженном упокоении почивших”.

Накануне Собор принял Соборное послание:

”Священный Собор ныне призывает всю Российскую Церковь принести молитвенное покаяние за великий грех тех своих сынов, которые, поддавшись прельщению по неведению, впали в братоубийственное и кощунственное разрушение святынь народных. Примем содеянное ими как всенародный грех и будем просить Господа о прощении. Сам Господь да пробудит в сердцах их спасительное покаяние и сознание всей вины их перед Богом и русским народом... Покайтесь же и сотворите плоды покаяния. Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия. Вернитесь на путь Христов”.

В 1918 году при храме Христа Спасителя было создано ”Московское братство храма Христа Спасителя”. В уставе братства было прямо сказано: ”Хранить и защищать храм Христа Спасителя как стяг объединения православного народа в защите своей веры и Церкви, поддерживать его благолепие”.

11 марта 1918 года в храме Христа Спасителя была совершена панихида по убитом в Киеве митрополите Владимире. С проповедью перед многотысячной аудиторией выступил митрополит Антоний. ”Церковь российская, — говорил он, — впадала в такое поработленное состояние, какого не испытывали еще наши единоверные племена /.../ Наши церк-

ви подвергаются расстрелам и ограблению, их имущество повсеместно расхищается; наши школы лишены права учить детей и юношей тому, что Господь назвал единым на потребу, то есть словесам Святого Евангелия и вообще Закону Божию; наши пастыри и архипастыри изгоняются из церковных домов; наши воинские полки лишаются своих церквей и священников, а училища и академии, воспитывавшие пастырей церковных, совершенно упраздняются... Множество русских людей изменили своим убеждениям, открыто отказываются от святой веры, предаются самым скверным порокам, грабят, убивают, богохульствуют, предают родину врагам и предают душу свою дьяволу” (“Церковные ведомости”, № 13, 1918).

Большевики не решились закрыть храм Христа Спасителя, главный московский кафедральный собор, в 1918 году скорее всего просто потому, что боялись не унести оттуда ноги. Почему он уцелел в последующие годы, когда большевистская власть окрепла и осмелела, — трудно пока сказать; когда-нибудь это станет ясно. Во всяком случае храм продолжал стоять.

А 18 июля 1931 года советские газеты объявили о предстоящем в Москве строительстве Дворца Советов и о создании Совета строительства, председателем которого был назначен В. М. Молотов. Тогда же было объявлено, что

”Дворец Советов, в целях наибольшей доступности его трудящимся массам, будет расположен в центре гор. Москвы — на набережной Москвы-реки, на площади между Соймоновским проездом, Волхонкой и Ленивкой, со сносом храма Христа-спасителя и соседних строений до улицы Ленивки. /.../ Строительство должно быть закончено в конце

1933 года /.../ Последний срок сдачи проектов на конкурс 28 октября 1931 г. до 20 часов”.

План строительства Дворца Советов родился задолго до этого. Первые планы в этом направлении появились в 1918 или в 1919 году. Тогда думали строить в ”Питере”, в ”колыбели революции”, какое-то чудесное здание не совсем ясного назначения, символизирующее победу. Говорилось даже о месте для него — где-то на Средней Рогатке. Дворец должен был быть непременно революционной архитектуры.

31 декабря 1922 года в Большом театре на съезде, объявившем о создании СССР, Киров сказал:

”Скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение (чем Большой театр. — Прим. ред.). Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки ”Интернационала”. Я думаю, скоро настанет время, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему ЦИКу в ближайшее время заняться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти все, что требуется для того, чтобы расширить свой горизонт... Это здание должно явиться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротой молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их

новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, "полуазиаты", мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились".

Затем было принято постановление: "Первый съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... в ознаменование нового союзного государства постановляет: Основать в Москве, как столице Союза, Дом СССР".

На восемь с половиной лет о "Доме СССР" как будто забыли, но, к несчастью, только на восемь с половиной лет.

Почему решили снести именно храм Христа Спасителя? В 1931 году власть могла рассчитывать на то, что у измученных голодом, террором, всеми свалившимися на них ужасами людей не найдется сил, чтобы его защитить. Собор в сердце Москвы, расположенный так, чтобы его отовсюду было видно; церковь, дом Божий, к тому же — символ, в какой-то степени, былого величия России и любви к ней, связанный с русской историей, которую надо было затоптать в грязь, осквернить — все это вместе взятое делало этот храм особым предметом ненависти. Уничтожение именно этого храма было важным этапом в наступлении безбожного государства на верующих страны; важным было оно и для подавления и выкорчевывания национального сознания у русских людей. Речь ведь шла о том, чтобы устранить веру в Бога, а на ее место внедрить в души людей (чтобы они соглашались терпеть голод, холод, работать как рабы и жертвовать жизнью) веру в светлое будущее человечества, которое придет через коммунизм. Возведение на

месте уничтоженного собора Дворца Советов должно было символизировать именно эту операцию. А к этому надо добавить еще одну, совсем простую цель: грабеж. 26 пудов золота, бронза, медь, зеркальное стекло, свинец, мозаика из порфира, лабрадора, цветного мрамора, плиты светлого мрамора и красного гранита... все это было в храме Христа Спасителя, и все это (если не пропало в процессе разрушения) было оттуда украдено.

Газетам велено было провести соответствующую обработку населения. Должны были высказаться рабочие, крестьяне (уже теперь колхозники), ученые, раскаявшиеся верующие — все должны были поддержать решение о сносе Храма.

Концерт открыл Демьян Бедный:

Средь Москвы, средь союзного — не белокаменного,
Краснокаменного — сердце — града
Воздвигается нами мировая эстрада,
Трибуна трибун,
В героическом взлете стремительно-бурное
Воплощение архитектурное
Пролетарского чуда,
Всесоюзная вышка, откуда —
Назначение вышки не таково ли?
Мощным кличем не раз на весь мир прогремит
Наших слов динамит,
Динамит нашей творческой воли.

Подключились профессиональные пропагандисты атеизма. Они дали очень интересное объяснение тому, как и зачем храм был построен и что собою представлял: "Вследствие торговых и политических интересов эксплуататорских классов царская Россия вела войну с Францией. После окончания войны царь Романов добился в международном масштабе полицейского надзора для борьбы с революционным движением во всех странах. В память и для прославления массового человекоистребления царь Александр I Романов в своем манифесте объявил, что в сохранение вечной памяти о войне будет построена в Москве особая церковь во имя спасителя-христа".

Эту "особую церковь" — объясняла пропаганда тех времен — строили "на народных костях" Николай Палкин и его сын Александр-Крепостник. "То, что барабан купола увенчан мраморной короной, есть культ монархизма. В коридорах храма цари разместили памятник милитаристского культа. Ни о каком "беспримерном усердии" со стороны рабочих и крестьян в эпоху русско-французской войны говорить не приходится. Не приходится говорить и о художественной ценности икон, на которых изображены святые эксплуататоры княгини ольги и александры невские".

И далее:

"В былые годы в этом храме собирались помещики и купцы, чиновники и фабриканты, жандармы и проститутки, весь "цвет" старого гнусного мира царских времен. Когда 9 января 1905 года в г. Ленинграде по приказу царского правительства были расстреляны сотни рабочих, в храме "христа-спасителя" намекали в проповедях, что рабочие-де могли быть подкуплены японцами... Чем же объясняются в таком случае всякие слухи о "ценном

искусстве" в храме "христа-спасителя", особенно распускаемые в дни сноса этого бывшего храма? Никакими нашептываниями не остановить соцстроительства. Им важна не церковь. Церквей еще много. Им важно использовать снос храма как повод к тому, чтобы больше вредить соцстроительству. Наше могучее строительство идет вперед и никакими заклинаниями его не задуть. Лакеи поповщины, всякие вредители большого и маленького масштаба заинтересованы искривить нашу политику. Надо давать отпор выпадам на тему о 'разрушении исторических памятников' ".

Последняя фраза касалась не только храма Христа Спасителя. Около этого же времени были снесены Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле, церковь Успения на Покровке, Иверская часовня, Сухаревская башня и Страстной монастырь. Историческая ценность двух уничтоженных кремлевских монастырей очень велика. Что же до церкви Успения, ее изображение можно сегодня найти в десятках курсов архитектуры: теперь уже признано, что это был шедевр.

На освободившемся месте в Кремле было построено нынешнее здание президиума Верховного совета СССР.

Верующие, действительно, не пытались препятствовать сносу храма. Однако известно, что люди на улицах плакали, умоляли рабочих срезать лики святых со штукатурки до разборки храма. И до сих пор еще люди помнят и комментируют: "Польстились на золото. Но Бог наказал: ничего на том месте не построили".

Приведем здесь три отрывка из воспоминаний М. Л. Пастернака, опубликованные в 1982 году в "Вестнике РХД" (№ 136).

”Первое изменение в области храма не заставило себя долго ждать. Когда весь он оказался в окружении замкнувшейся ограды, мы увидели на золоте большого среднего купола, почти под самым яблоком креста, небольшой черный зияющий квадратик. В бинокль мы увидели открытый лаз; можно было разглядеть даже темные силуэты людишек, то подходивших к краю, то скрывавшихся внутри в глубине купола. Можно было также разобрать, как людишки эти, привязанные канатами и сидевшие на досках, работали по разрезке, снятию и уборке золоченых листов, представлявших большую ценность; разговоры о золоте купола были, несомненно, преувеличены, но какое-то содержание чистого золота в медной обшивке наличествовало — снятые листы уносились бережно через лаз, вовнутрь.

Работа шла четко и быстро. На следующее утро нас встретил уже не черный зияющий в золоте лаз, а целый пояс обнаженных ребер в паутине распорок и раскосов.

День за днем остов большого купола, а заодно с ним и других, малых куполов, своей кружевной ажурностью и необычайной легкостью рисунка стали спорить с темными, плотными кирпичными полусферами сводов, похожими на тубетейки. Сложный каркас куполов заканчивается теперь чернеющим железом остовов крестов, ранее бывших золотыми.

Видимое нами разрушение прекратилось. Все золото было снято и исчезло. Смотреть стало не на что, а облегченный вид верха — укором глядел, в свою очередь, на нас, точно мы своим любопытством усилили боль уничтожения.

Земля — теперь земля, а не купола храма — захватила все наше внимание. Новенькие, вероятно, только что окрашенные, грузовые автомобили остановились вдоль тротуара,

отделявшего Всесвятский проезд от площади; три однотипные машины, кроме их нового и свежего вида, привлекли наш интерес еще и большой их мощностью. С одного из них скатили на землю катушку, подобную тем, на какие накручены кабели телефонов и электросетей. Другая, такая же, пока еще находилась в кузове другого автомобиля. Шоферы вышли из кабин и, покуривая, о чем-то спорили, показывая руками на стену храма. Катушку стали подталкивать к храму, и толщенный, белый, новый, как сами машины, манильский канат, чуть ли не в руку толщиной, стал змеиться по земле вслед за уходящей катушкой. Потом с другой машины спустили на землю вторую катушку и стали так же разматывать другой канат, ложившийся рядом с первым. Такие манипуляции нас заинтриговали, хотя назначение в подобной ситуации канатов нам было достаточно известно.

Как разворачивались далее события дня — не могу сказать; то, что происходило с канатами дальше и что с ними должны были проделывать — нам не было видно; ясно было, что с ними что-то делали — канаты не лежали бездвижно: то они вздрагивали, точно по ним пробегала судорога, то дергались, как от напряжения. Зная по опыту, что таким путем, канатами и дружной работой артели чернорабочих — ранее скидывали на землю целые отрезки кирпичных стен, мы кое-что могли предполагать. Но предугадать то, чему мы стали свидетелями, — было трудновато!

Оба каната своими концами — для нас невидимо — были приторочены к большому черному кресту среднего купола храма. Когда все было подготовлено, и к тем же канатам была закреплена одна из машин, шофер дал ей задний ход к стене храма, а затем — самый полный вперед. Машина, яростно взревев, ринулась к проезду, но, не

дойдя до тротуара, внезапно, задрожав и как бы брыкнув, вздернулась в воздух, схваченная как тетивой натянувшимся канатом. Задние колеса оторвались от земли, и вся система, связанная канатом, — на долю мгновения оказалась гипотенузой воображенного треугольника, катетами которого стали — горизонталь земли и вертикаль стены храма. Немыслимая неожиданность была чудовищна; не успели мы и глазом моргнуть, как происшедшее приняло свой обычный вид — машина плотно стояла на всех четырех колесах на мостовой, канат, подрожав и попружинив, снова провис своей математической кривой, шофер, ошеломленный, вытирая пот со лба, вылез из кабины и стал проверять машину и крепление канатов.

Такого афронта никто, естественно, не ожидал; он напугал шофера. Все ждали падения креста. Он же стоял невредимый, непоколебимый, надменный и прямой, как ему полагалось.

После некоторого перекура и обычной в таких обстоятельствах взаимной перебранки, шоферы решили повторить акцию, усилив быстроту и натиск рывка и тем самым заставив крест все же свалиться. Более сильный рывок был сделан, более мощный выстрел каната показал силу натиска и натяжения струны, более резко подскочила машина задом в воздух, с грохотом встав затем на все четыре лапы, а крест даже не погнулся! Тогда шоферы удвоили мощь тяги: подвели второй грузовик и поставили его по оси первого, накрепко связав их между собою. Затем все повторилось, но с удвоенной силой. Мощи восьми-десяти лошадей гордыня железного креста, наконец, поддалась, крест согнулся — и только — но еще не упал!

В конце концов его добили и — Боже! — сколько искр посыпалось вокруг целыми каскадами, сколько лязга и скрежета раздавалось, покуда крест скользил, цепляясь за

каждую зацепку ребер и переплета каркаса, все еще привязанный к автомобилям, отъезжающим к проезду; с каким дьявольским ударом, в столбе земли и пыли, упал и зарылся разбитый железный лом, никому уже более не интересный... До самого конца зрелище было драматического трагизма борьбы и умиранья. Живая мощь была разбита и раздавлена холодной грубостью механизма; во всем увиденном читался невысказанный, но ясно чувствуемый исторический приговор всему прошлому — всем настоящим; прошлое лежало в пыли, в кусках разбитого, смятого и покореженного железа.

А потом, ото дня ко дню — продолжалось постепенное исчезновение чего-нибудь еще; весь куб хирел; с него снималось все, что имело еще какую-то ценность — то скульптуру, то профиля карнизов, то, наконец, даже гранитную и белокаменную облицовку. /.../

Однажды в переулке, почти под нашими окнами стали рыть какую-то глубокую траншею, а затем к ней прибавили еще квадратную яму. Мы вскоре узнали, что в яме разместились аппаратура сейсмографического наблюдения, а затем нас предупредили, что такого-то числа и в такой-то ранний утренний час, когда жизнь города еще не просыпается, будет произведен взрыв храма, такой-то силы; боялись, что в результате взрыва камни и куски разбитых стен могут обрушиться на наш двор и дом.

В назначенное утро взрыв был действительно произведен, как говорили, сейсмограф был силой взрыва испорчен; я, лежавший еще в постели, ощутил явственно, как подо мной все внезапно дрогнуло, качнулось, еще раз, еще — меня чуть тряхануло, как будто

кровать хотела из-под меня выскочить — и все замерло. Подобие землетрясения ощущалось на большом радиусе — взрыв был довольно мощен!

Но куб камня — храм целиком — как стоял раньше, так остался целым, плотным кубом. Где-то что-то расселось, что-то внутри обвалилось и осыпалось, в одном или двух местах прошли, как зигзаг молнии, трещины, сквозные, от карниза и до цоколя; обрушились — внутри — какие-то второстепенные своды; но объем устоял, не поддавшись. Тогда решили подрывать в отдельности, небольшими участками, отдельные опоры, частыми, но ограниченными взрывами, чтобы расшатать здание и нарушить в нем общее сопротивление. Так постепенно, кусками, отрывали то одну, то другую часть притворов, опор, внутренних стен. Наконец было решено снова испытать силу общего взрыва, большей мощности. В назначенное время часть жильцов нашего дома, и мы в их числе, собрались на плоской крыше нашего дома, поглядеть, как это произойдет. Минута в минуту раздался удар взрыва, наш дом здорово трянуло, над храмом поднялась вверх громадная красно-черная туча пыли, газа и мелкого щебня, собою все скрывшая; она медленно, большими клубами, колеблясь, вздымалась кверху, постепенно расходясь в небе громадным зонтом над площадью. Постепенно под ним просветлялось чистое пространство; а где же храм? Поверженный, он лежал громадной горой битого щебня и огромных обломков стен, столбов и сводов, переброшенных с места на место невероятной силой взрывной волны. Над этой горой битого кирпича одиноко высился угол соборной стены с необвалившейся каким-то чудом частью углового купола, как бы срезанного острым ножом. Еще страшней был вид арки окна, висящей где-то в верхних ярусах. Все представляло собой какой-то одинокий, случайно оставшийся после разрушения сустав здания,

какой-то перст, впериившийся торчком в небо. Вид был дик и страшен.

В Москве, на московской площади ожила и стала осязаемо зримой гравюра Пиранези, из цикла излюбленных им изображений колоссальных и диких развалин Рима — мостов и тюрем, карцеров, с разбитыми лестницами, свисающими откуда-то лианами, какими-то нечеловечьими фигурами людей, в самых странных и диких позах безумства — почти в стиле Калло.

Черный силуэт уходящей в небо стрелы угла и оставленная волею судьбы в высоте арка, как лаконичная графика плаката или даже марки, четко вырисованная на лунном фоне — создавали удручающее, гротескное настроение. Общее безмолвие лунного освещения как-то особо подчеркивалось вынужденным молчанием мертвой руины.

Облитое странным, неживым, бездвижным и мистическим светом лунного безмолвия зрелище подавляло величественной и гордой непостижимостью смерти. В эти дни стояли ясные и холодные ночи полнолуния. Черный, одинокий на голой площади, грозящей укоризной остаток собора еще долгое время высился над громадной пустой площадью, никому уже не нужной. В конце концов и этого напоминания более не стало. Площадь постепенно лишалась всего, своих скверов, лестниц, постамента, нянек и голубей... становясь необъятным пустырем...

Вместо всего бывшего, полного жизни, воцарилась черная земля, по которой ползали, как жуки-могильщики, взад и вперед, туда и сюда, автомобили разных видов и марок, призванные все равнять, все убирать, все лишать своих особенностей, любые следы жизни, здесь никчемной... /.../

От раза к разу мы видели постепенное исчезновение прошлого. Бывшая площадь, меняя

цвет понижающегося уровня, смотря по грунтам, стала, наконец, местом забоя железобетонных свай. То тут, то там, в шахматном порядке раздавалось ритмическое и громкое уханье пневматических молотов, осаживающих высокие столбы свай. Несмотря на их внушительную высоту и большую толщину, они, казалось, легко и быстро уходили в грунт, точно забивали их не в землю, а в какой-то кисель. Число свай было огромно; поэтому, хотя каждую забивали быстро, все сваи забивали в течение более месяца. Когда сваи ушли в землю и уровень снелированной площадки еще несколько углубился, став как бы общим фундаментом под будущую постройку, постепенно начали грибами вырастать пирамиды опор — так называемые башмаки — под будущую конструкцию сооружения. Затем, с еще более размеренной постепенностью и не спеша, появлялись металлические торчки ребер и подкосов колоссального в будущем каркаса Дворца. Но — до будущей громады каркаса дело так и не дошло — началась и все перекрыла — всю жизнь и все деяния — долгая и тяжкая война...

Деревянная ограда площади, за которой кое-где стал подниматься металл будущего каркаса, временем и человеком была местами повреждена, и в щели можно было видеть эти большие черные поля, там, внизу, чаще всего покрытые большими озерцами дождевых или грунтовых вод; эти воды стояли и цвели, обновлялись, заливали другие пространства; из них островками выставлялись наружу бетонные скалы опор, какие еще без железной надстройки, какие — особенно ближе к Кропоткинской площади — с начатками каркаса. От года к году это зрелище теряло остроту своей новизны и анекдотичности.

Не знаю, действительно ли в этих озерцах стали водиться караси, как ходили слухи, но видно, какую-то рыбешку кто-то и вылавливал! Я не припомню, видел ли я сам этих

рыбарей или только поддавался частым и утвердительным рассказам действительных очевидцев; во всяком случае, зевак у оторванных досок ограждения всегда было много — видно, было над чем посмеяться и позубоскалить.

Зимами воды разрушали то, что с таким трудом было воздвигнуто ранее; обоюдная же деятельность льда зимой и грунтовых вод в летнее время — постепенно свела на нет все, что успели сделать, в особенности, когда был разобран весь ржавеющий без дела каркас на нужды военной техники. Этим был, собственно, и положен конец постройке Дворца — к ней более не возвращались. В конце концов — но это было уже после завершения войны полной победой, скорее всего к пятидесятому уже году, вряд ли раньше — вынуждены были признать несостоятельность неудачного проекта и без особого шума воспользоваться тем, что еще осталось в целости и с чем можно было еще как-то считаться; после разного рода предположений и предложений — решили грунтовые воды и их злые действия перекрыть водой же, то есть спроектировать на старых фундаментах — водный плавательный бассейн!”

Стоит взглянуть на выбранный Сталиным проект Дворца Советов Иофона и Щуко: уже из краткого описания его ясно, что мыслилась именно замена Храма Господня неким страшным подобием храма во славу идола. (Сами большевики, понимая, что это неизбежно бросится в глаза, заранее усиленно опровергали, настаивая на том, что надо ”избежать в оформлении храмовых мотивов”).

Так вот, высота Дворца Советов должна была составлять 415 метров — вместе со стометровой статуей Ленина. Указательный перст вождя должен был иметь в длину 6

метров, ступня – 14 метров, ширина плеч – 32 метра, голова – по объему чуть меньше Колонного зала Дома Союзов; вес монстра предусматривался в 6 тыс. тонн, поверхность 11 тысяч кв. метров. Статуя вождя должна была превысить статую Свободы по высоте в 3 раза и по весу – в 2,5 раза.

Стены Дворца Советов были запланированы неожиданно тонкими – в 30 см. Стальной каркас должен был иметь вес 350 тысяч тонн (каркас Empire State Building в шесть раз с лишним легче). Общий вес Дворца достиг бы полутора миллионов тонн, площадь фундамента – 120 тысяч кв. м. По своему объему, 7 миллионов кубометров, здание равнялось бы суммарному объему шести величайших (на конец тридцатых годов) нью-йоркских небоскребов. На облицовку его предполагалось употребить 300 тысяч кв. м гранита.

Предусматривалась анфилада залов: зал Героики Строительства Социализма, Орденов зал, зал Героики Гражданской войны и так далее. Планировалось, что в стены "народного здания" войдут "фаянсовые плитки мавританской Испании, майоликовые украшения Флоренции, изразцовая мозаика Византии". Артистические помещения замыслились на 2500 исполнителей. Планировалась также пневматическая почта, при помощи которой предполагалось связать между собой все этажи и помещения.

Со стороны Кремля ко Дворцу Советов должна была подходить парадная лестница в 115 метров шириной. По обеим сторонам от нее возвышались бы изваяния предтеч социализма: Сен-Симона, Фурье, Чернышевского и т. д., у главного входа – памятники Марксу и Энгельсу. За колоннами и лоджиями должен был находиться Зал Сталинской Конституции.

Н. Потапович-Молинье, пытаюсь уяснить до конца, зачем большевики уничтожили храм Христа Спасителя, пишет:

”Один специалист по системным исследованиям объяснял мне, что ни одну систему нельзя понять изнутри. Это надо делать снаружи и в сравнении с родственной системой. Я так и сделала.

Путеводителем по ”родственной системе” для меня стала книга А. Шпеера, главного наперсника Гитлера по архитектурной части. Недостаточно владея немецким, я работала с английским изданием (*Inside the Third Reich* by Albert Speer, Avon Books, N.Y. 1971). В течение 12 лет Шпеер был причастен ко всему, что возводилось в фашистской Германии государством. Однако в Германии не только строили, но и сносили. Цитирую: ”Мотивировка (по поводу сноса исторических памятников. — Н. М.) была во всех случаях одна: долой замки и церкви; после войны мы возведем наши собственные памятники! Частично это могло быть объяснено чувством неполноценности по отношению к прошлому. Но в таком отношении был и другой элемент, как объяснил мне один гаулейтер (секретарь обкома. — Н. М.), оправдывая свой приказ о сносе: замки и церкви прошлого — цитадели реакции на пути нашей революции” (с. 408).

Едва ли не главной мечтой Гитлера, — пишет Шпеер, — было застроить Германию величественными зданиями. Главное, чтобы люди в грядущих веках дивились на нашу архитектуру, чтобы она напоминала им о великой эпохе, — говорил он. Центр для партийных съездов в Нюрнберге должен был вмещать 160 тысяч человек. Украшать его должна была женская фигура, на 14 метров выше статуи Свободы. Тут же должен был

вырасти стадион на 400 тысяч мест, с объемом в 3,3 раза больше пирамиды Хеопса. Стены стадиона должны были иметь высоту 100 метров.

В Берлине Гитлер замыслил соорудить триумфальную арку в честь первой мировой войны, высотой 118 м, шириной и глубиной по 168 м (с. 190). Она была столь нелепо велика, что под ней были запланированы еще двое "маленьких" триумфальных ворот, высотой, судя по снимку между сс. 368—369, около 23 м.

Но главной затеей Гитлера, его Дворцом Советов, было здание для "общественных форумов", задуманное им в центре Берлина, которое должно было вмещать до 180 тысяч стоящих человек (с. 262). Диаметр купола из патинированной меди над этим зданием — 250 м, общая высота 239 м. В алтареобразном углублении, под золотым орлом, держащим в когтях свастику — подиум для Вождя Народов. Отсюда он собирался произносить речи и читать доклады (с. 212). У входа две 15-метровые фигуры, олицетворяющие небо и землю. Здание должно было быть построено к 1950 году. Были уже заказаны гранитные колонны в Швеции и Финляндии. Дворец должен был стать местом молений, — пишет о нем Шпеер.

У главного входа должна была раскинуться площадь Гитлера, размером 450 x 500 м, для первомайских празднеств, на 1 миллион человек. Когда чертежи были уже готовы, Гитлер услышал, что в СССР также запланировано огромное здание для собраний. "Он был глубоко раздражен, ощущал, что у него обманом похитили славу возведения самого высокого монументального здания в мире. Рука об руку с этим шла крайняя досада, что он не может приказать Сталину остановиться. В конце концов он утешился мыслью, что его здание останется уникальным. К чему более или менее сводится небоскреб? Чуть

выше, чуть ниже... Самым же главным в нашем здании будет купол! (с. 215). В начале октября 1939 года немецкий посол в Москве фон Шуленбург сообщил Гитлеру, что Сталин заинтересовался нашими строительными планами. Серии фотоснимков наших моделей были выстроены в Кремле..." (сс. 231—232).

* * *

"Шли годы. Яма котлована заполнилась водой. Территория становилась все менее охраняемой, забор начал валиться, все зарастало травой и кустами. Вслед за мальчишками, за забор стали проникать алкаши. В котлованном озере завелись рыбешки. Их стали ловить. На каждом сучке висел стакан. В 50-е годы Хрущев снова объявил конкурс на проект Дворца советов, но уже на месте витберговского храма Христа Спасителя. Но потом и это заглохло. На Воробьевых горах выстроили несколько железобетонных курятников под названием "Дворец Пионеров" и дали их творцам Ленинскую премию.

А на месте котлована устроили плавательный бассейн "Москва" и от него теперь гибнут картины в музее имени Пушкина" (Н. Потапович-Молинье).

Ирина Иловайская-Альберти

1 **СОСТАВ 18 „ТРЕСТА ДВОРЕЦСТРОЙ“** **КОТОРОМУ БЫЛА ПОРУ ЧЕНА ПОСТРОЙКА „ДВОРЦА СОВЕТОВ“**

Общий вид храма Христа Спасителя.

2 ВИДЫ НА ПЛОЩАДКУ, НАМЕЧЕННУЮ ПОД ПОСТРОЙ- КУ ДВОРЦА СОВЕТОВ. ЗАНЯ- ТУЮ ХРАМОМ ХРИСТА И ДР. ПОСТРОЙКАМИ

Старинная церковь, сохранившаяся от бывш. на месте храма Пречистенского монастыря. Под церковью найдено погреб. опричника царя Ивана Грозного Малюты Скуратова.

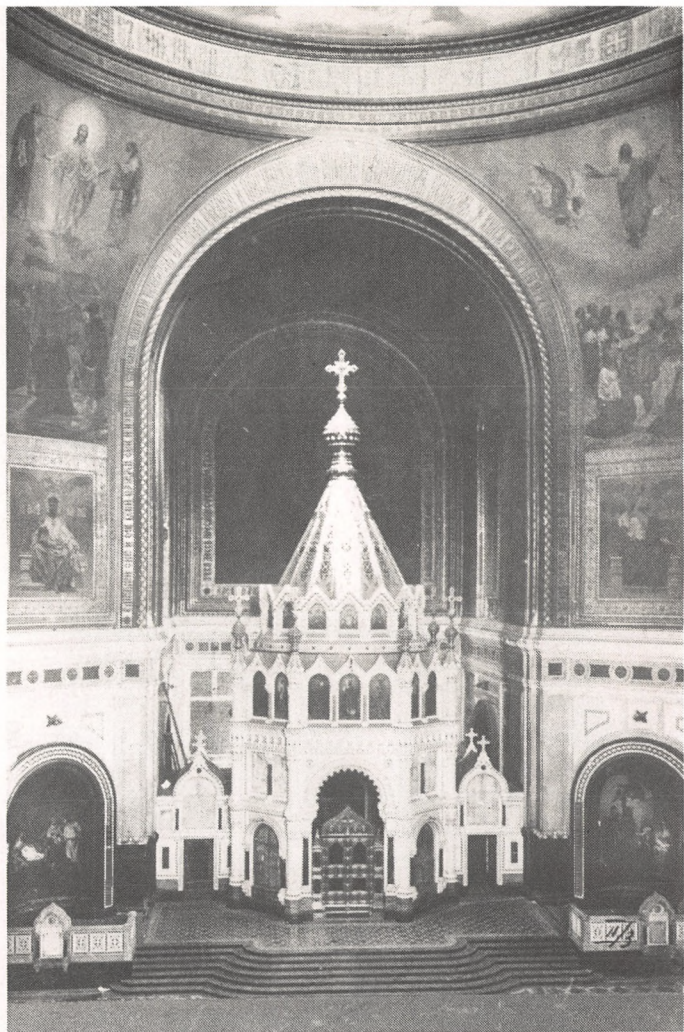
Вид с главного купола на Кремль и на участок, подлежащий сносу под постройку «Дворца Советов».

Старинная церковь, оставшаяся от монастыря бывшего на месте храма. Ныне снесена вместе с храмом.

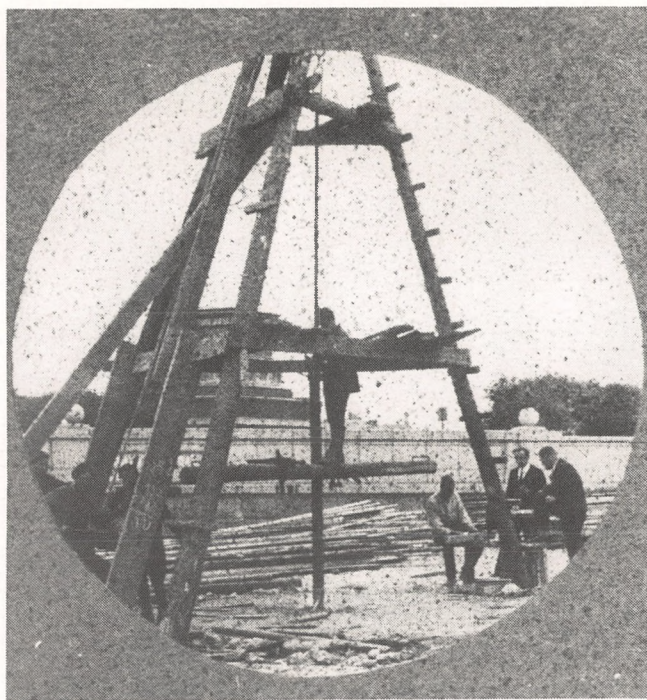

Вид на алтарь храма Христа.

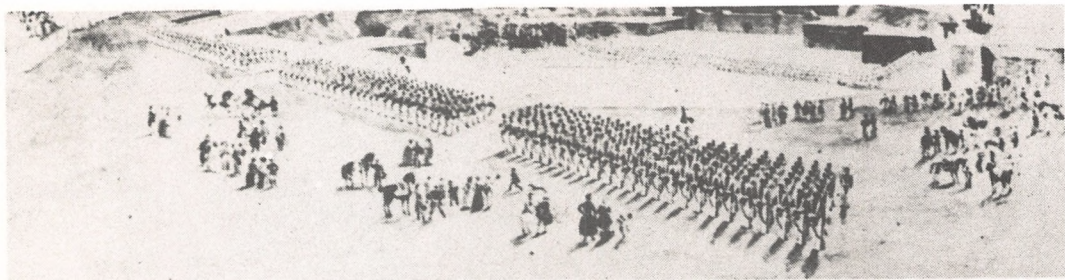

Наружная входная дверь храма.

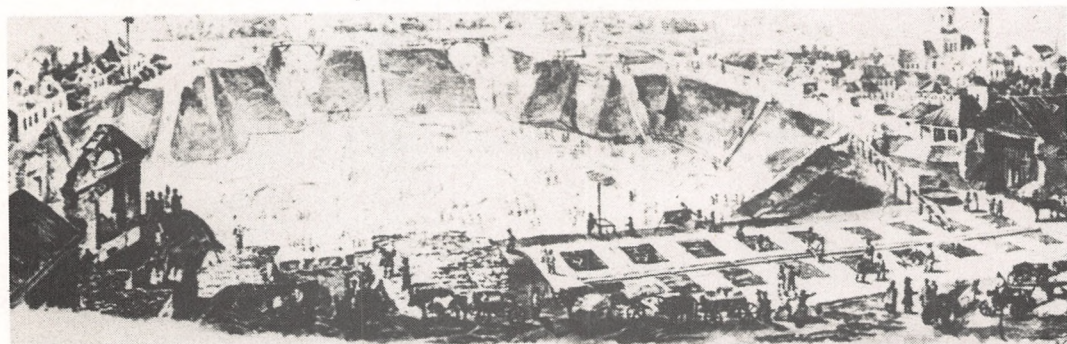

Перед сносом храма было поставлено определение грунта бурением. Данные, полученные от бурения, показали скверный грунт, тяжел для строительства.

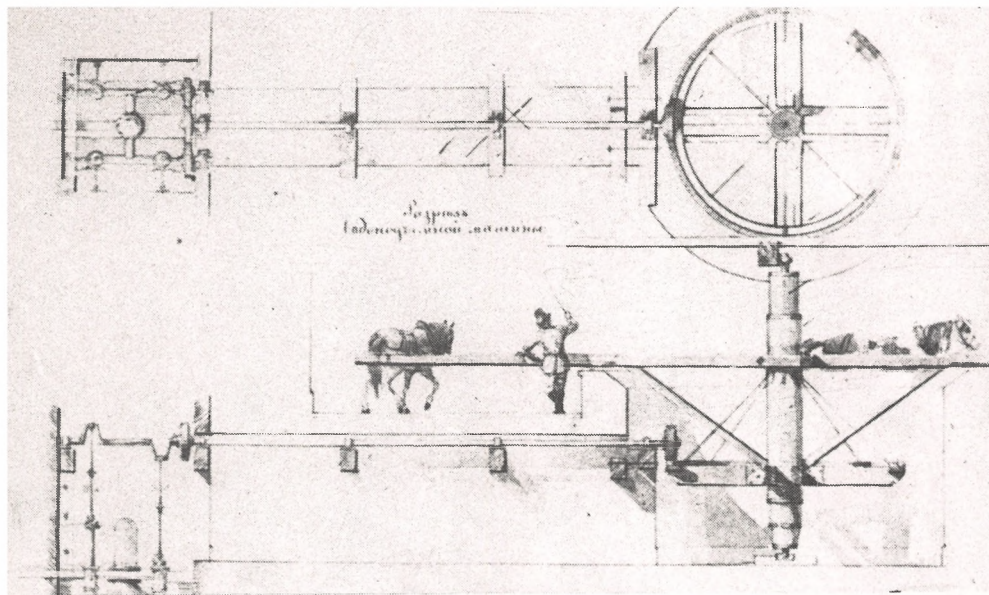
СОХРАНИВШИЕСЯ ФОТОГРАФИИ
ЗАКЛАДКИ ХРАМА
|| при НИКОЛАЕ I, исполнив-
шем волю своего старше-
го брата царя АЛЕКСАНДРА I

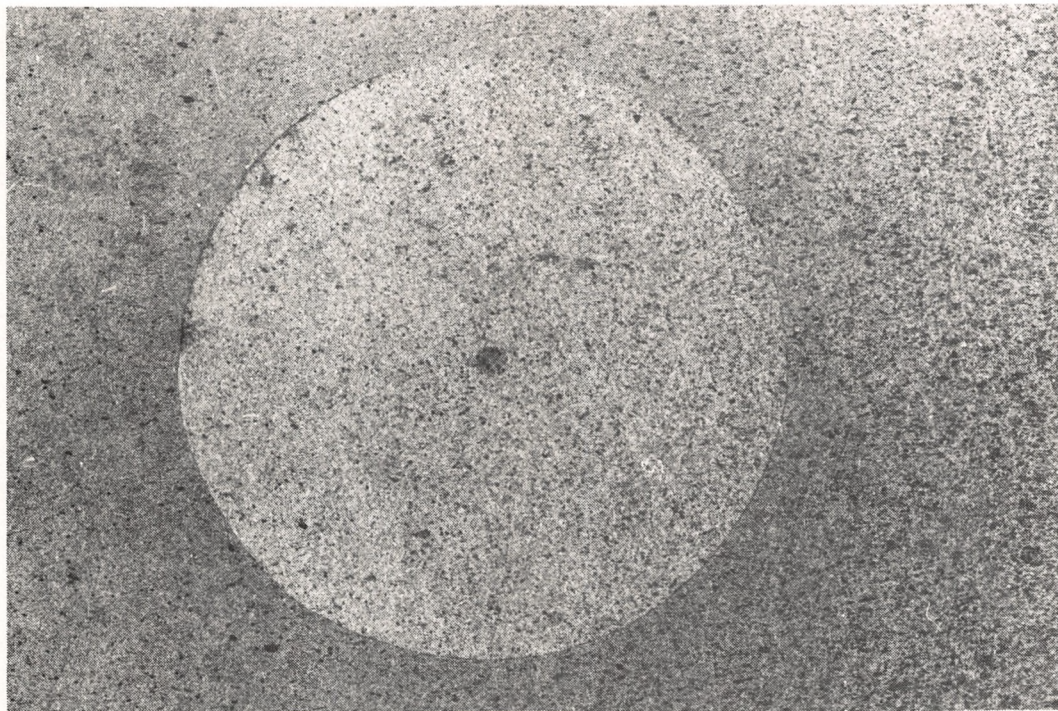
Парад по случаю закладки храма в 1832 г.

Вид фундамента котлована. Котлован для фундамента под здание храма Христа. (Снимок относится к 1831 г.)

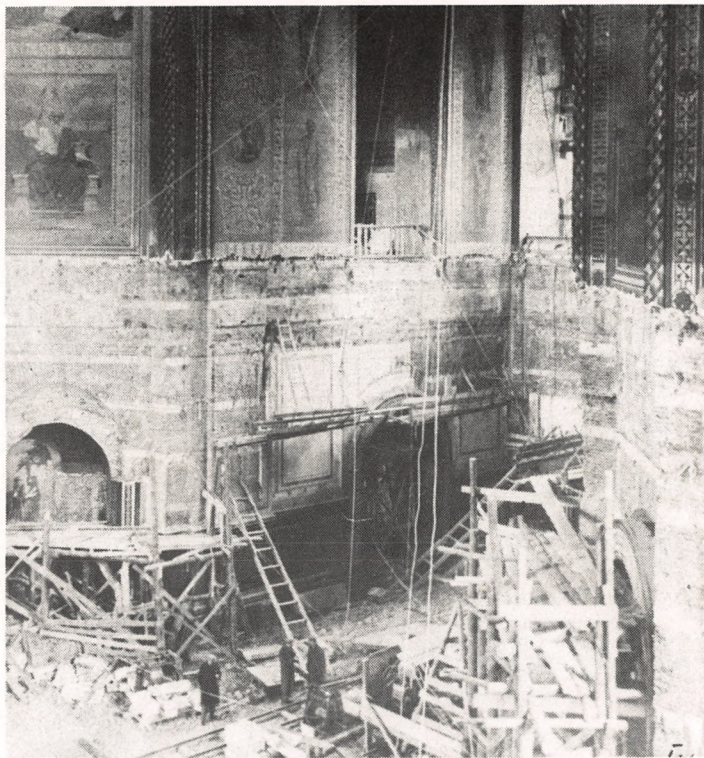
Откачка воды из котлована при постройке храма Христа. Снимок относится к 1831 году.

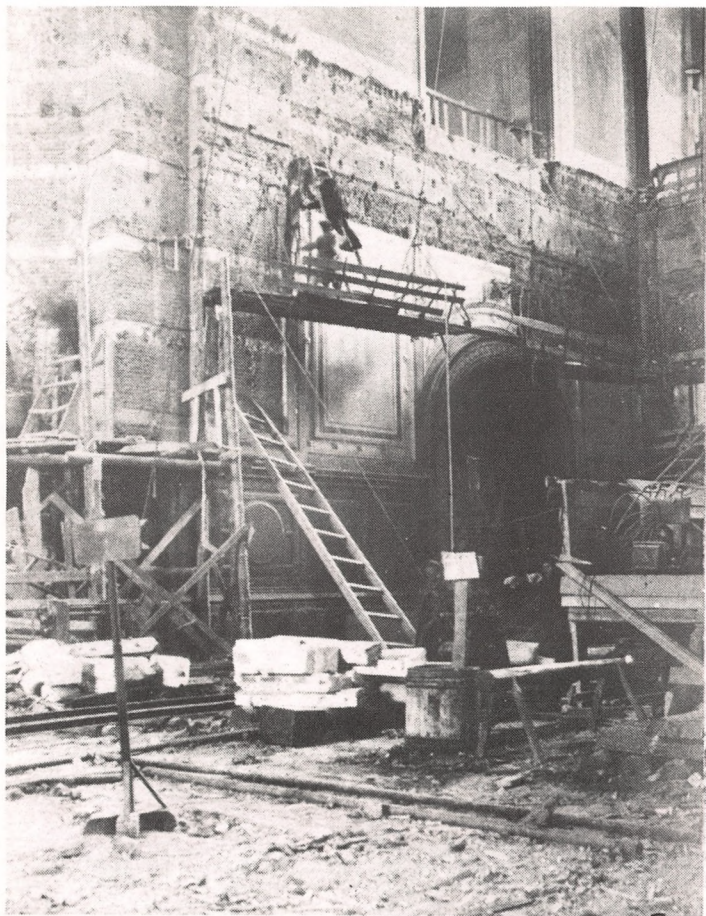
4 **ЗАГОТОВКА** ЛЕСОМАТЕРИА-
ЛОВ. ПЕРЕД НАЧАЛОМ РА-
БОТ НАДО БЫЛО ОБНЕС-
ТИ УЧАСТОК ЗАБОРОМ.
ПОСТРОЙКА КОТОРОГО
БЫЛА ЗАКОНЧЕНА
В ОДНУ НОЧЬ

ВНУТРИННЮЮ И НАРУЖНУЮ ОБ-
ЛИЦОВКУ, ПРЕСТАВЛЯВШУЮ
ЦЕННОСТЬ НУЖНО БЫЛО ПО
УКАЗАНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КОМИССИИ СОХРАНИТЬ

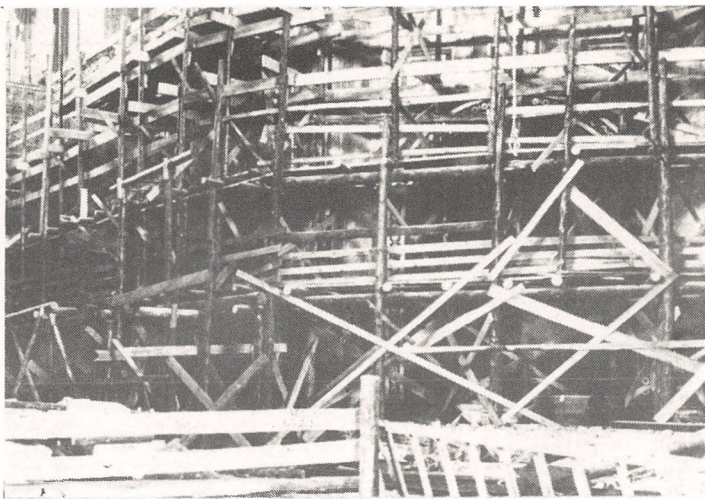
Съемка гранитной облицовки со стен храма. Видны висячие подвижные люльки, с которых производилась подрубка крепления и троссы, укрепленные на блоки, вделанные в своды храма. При помощи тросса подрубленные плиты спускались вниз. Установлены леса для снятия живописи. Видна уложенная ж. д., на которой вывозили облицовку и картины.

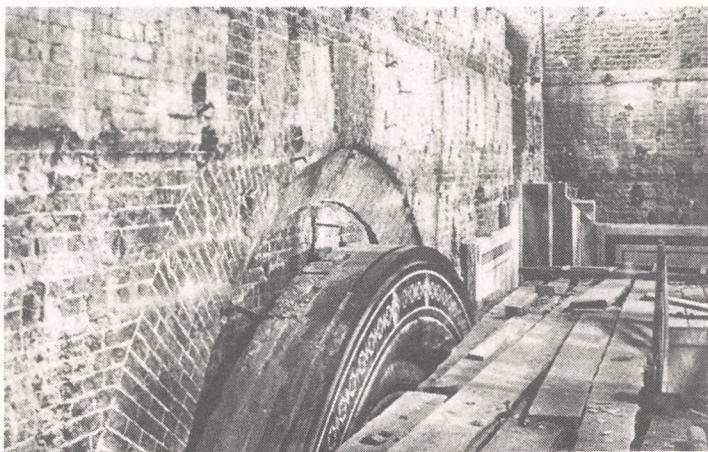
Подпись см. предыдущую страницу.

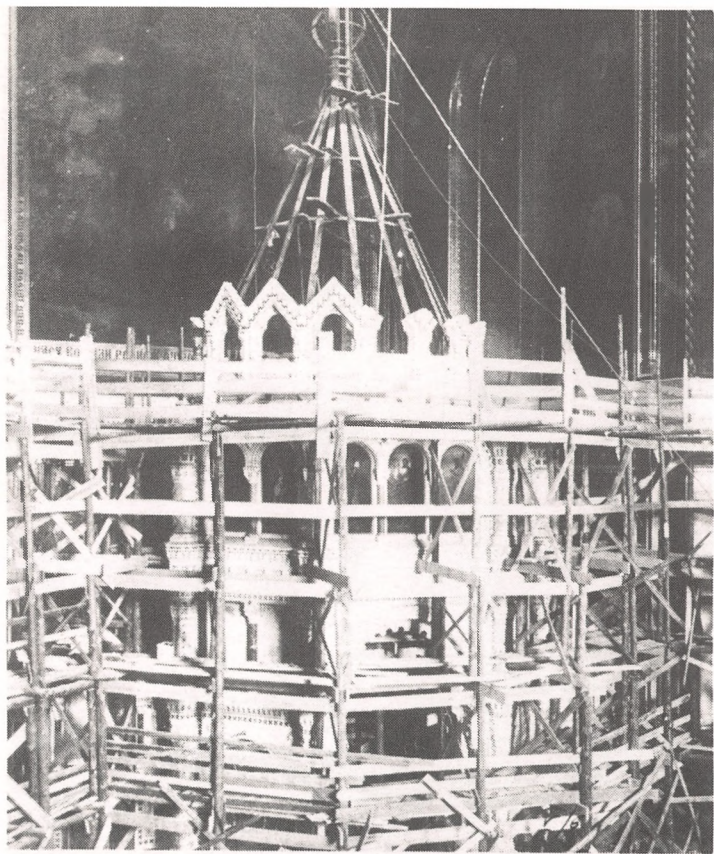

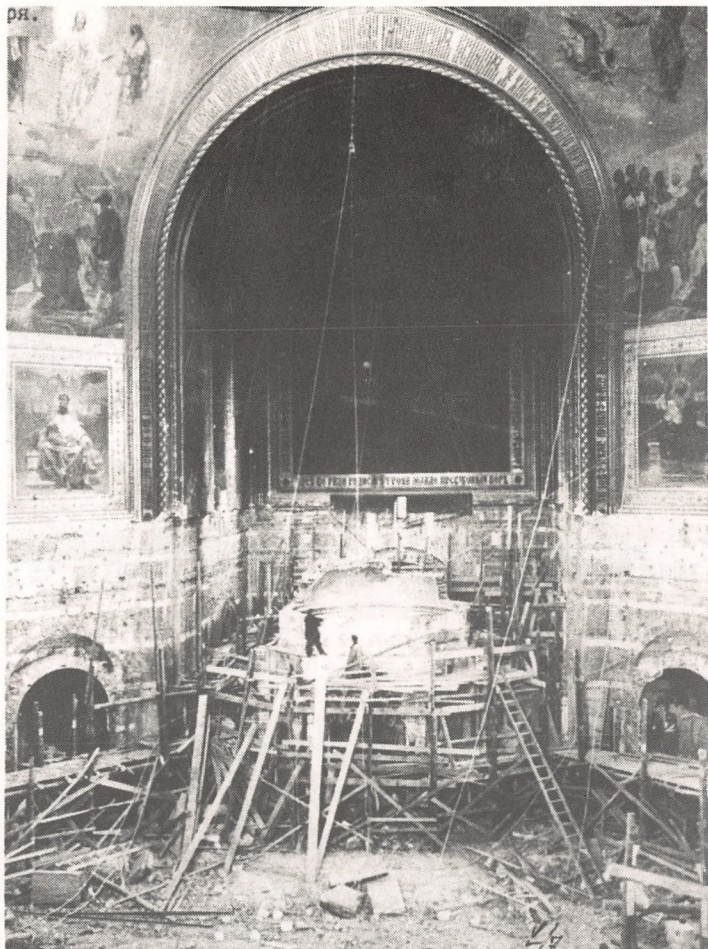
Временные подмости для снятия облицовки.

Вид на стену, освобожденную от облицовки, обращает внимание идеальный шов кирпичной кладки.

Алтарь из мрамора на ж./бет. каркасе. Мрамор был снят, а каркас подорван В/В. Видны тросы для спуска мрамора и подмости.

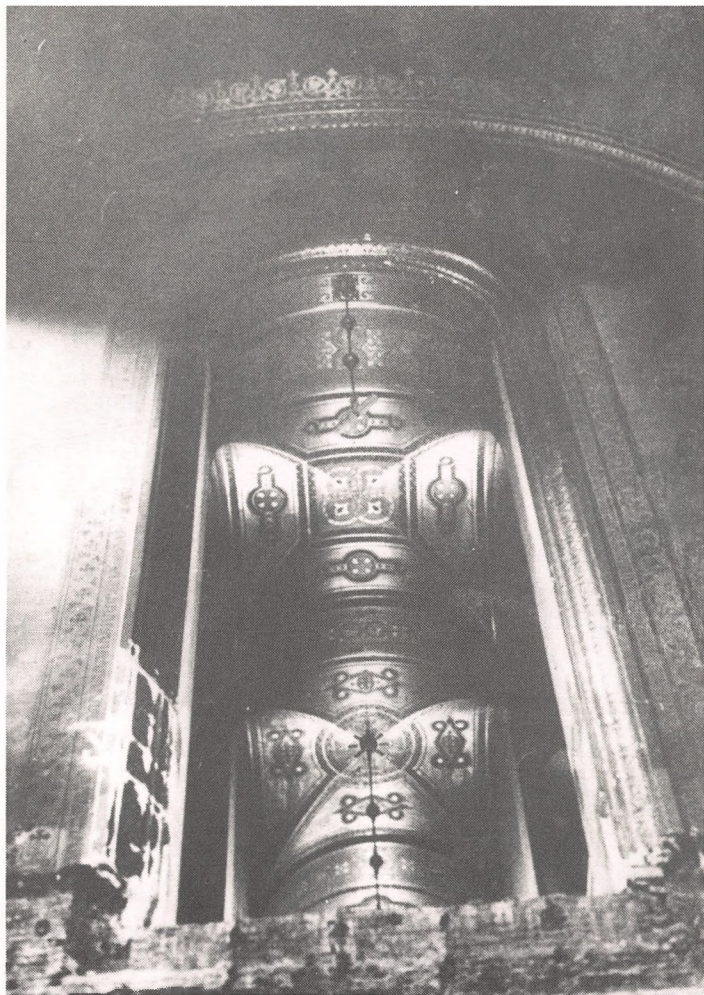
Последняя стадия работы по разборке алтаря.

Внутренняя облицовка из массивных плит гранита и мрамора весом до 3 т.

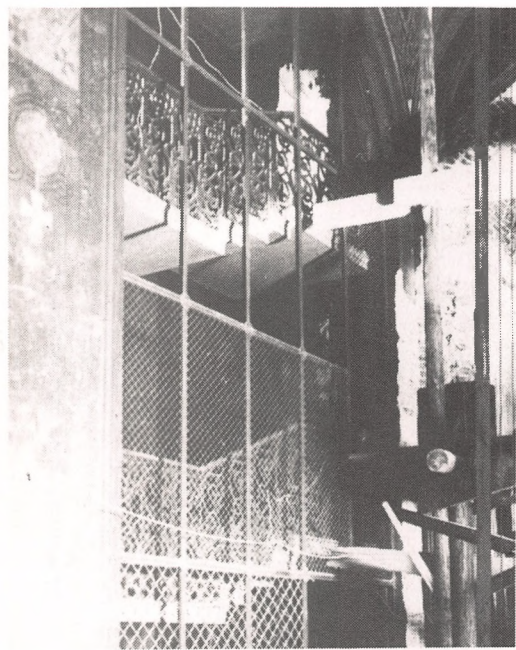
Облицовка залита в швах свинцом и удерживается пероном.

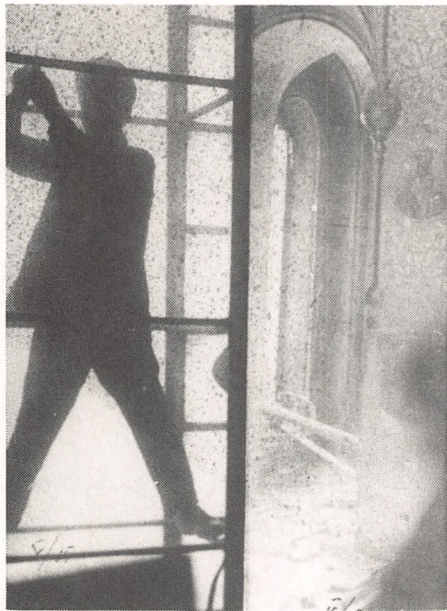
Часть стены после съёмки облицовки и роспись потолков.

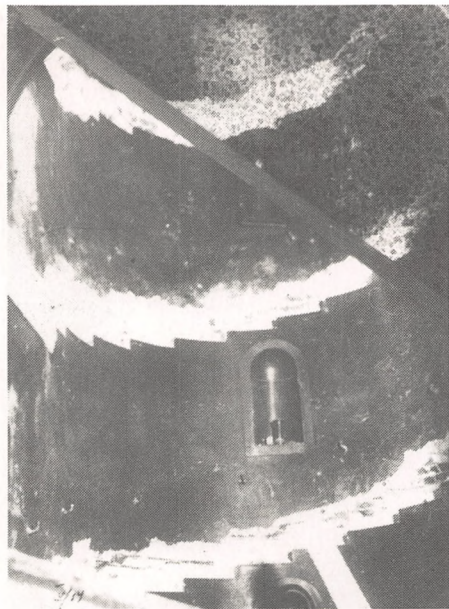
Пероны, удерживающие наружную и внутреннюю облицовку.

Начали снимать внутреннюю лестницу. Видна бронзовая решетка.

Снимают зеркальные стекла, которые были сделаны во Франции и укреплены в рамах медными шурупами в бронзовые переплеты рам.

Лестница снята, осталась клетка. Для подъема на второй этаж в лестничной клетке были поставлены стремянки.

ВСНЯТИЕ ЖИВОПИСИ
СО СТЕН ХРАМА. ЖИВО-
ПИСЬ БЫЛА НАПИСАНА НА
ШТУКАТУРКЕ И ЕЕ ПРИ-
ХОДИЛОСЬ СПИЛИВАТЬ И
СНИМАТЬ СПЕЦИАЛЬНЫМИ
ПРИСПОСОБЛЕНИЯМИ.

Снимают со стен храма живопись, писанную хорошими художниками на штукатурке. Подобным образом спилена вся ценная живопись, которая впоследствии переведена на полотно центр. реставрационными мастерскими.

Деталь спиливания картины вместе со штукатуркой. Спиливание производится на галерее храма. Отдельные доски картины пронумерованы для более удобной сборки картины после перевода на холст.

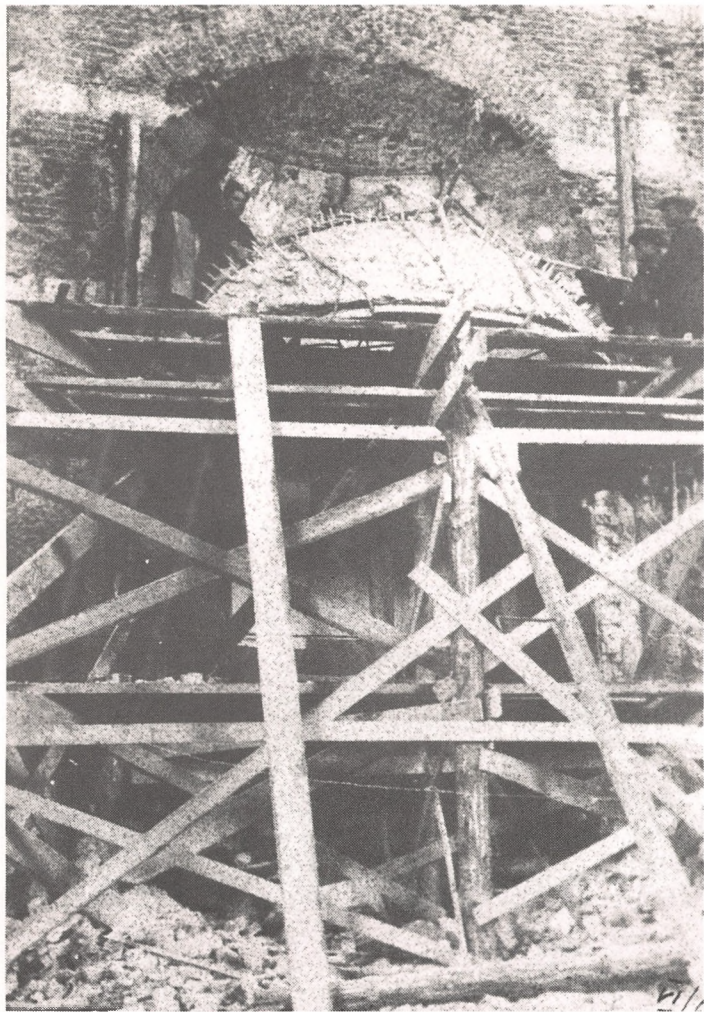
Укладка в ящики спиленных со стены картин. Спиливание картин производилось вместе со слоем штукатурки.

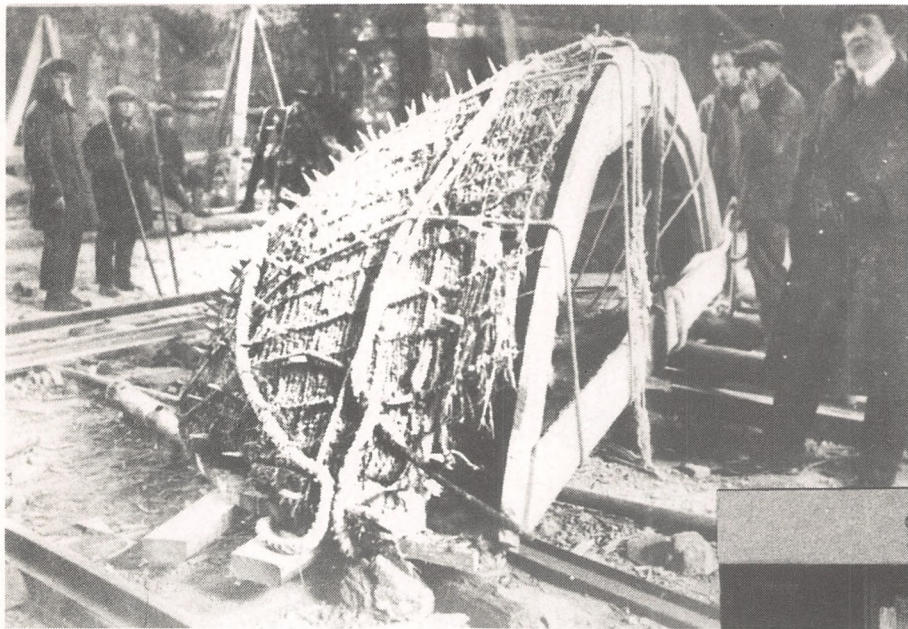
Спиленную картину осторожно отделяют от стены и опускают вниз для укладки в ящики, перед отправкой в центр. реставр. мастерские.

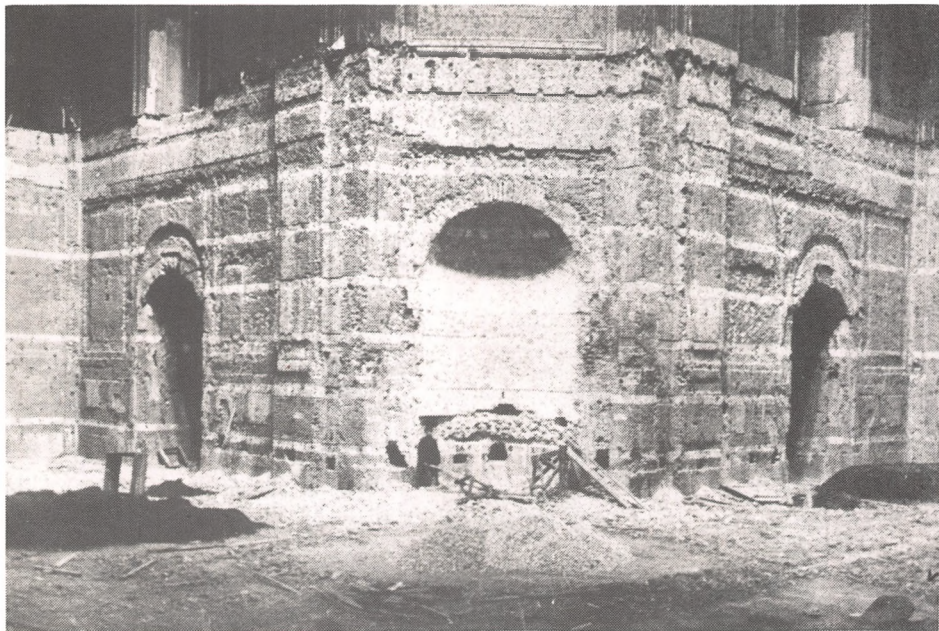
Снимают живопись, заделывая ее вместе со штукатуркой в ящики.

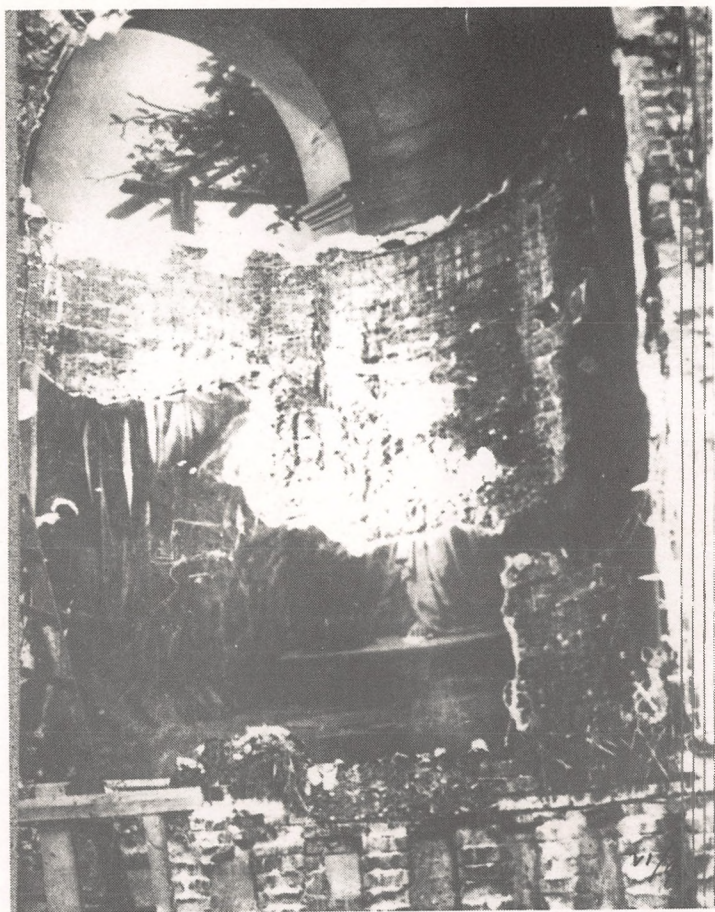
Один из моментов съемки картин вместе со штукатуркой.

Руководитель снятия живописи храма проф. Богословский у снятой им ценной картины.

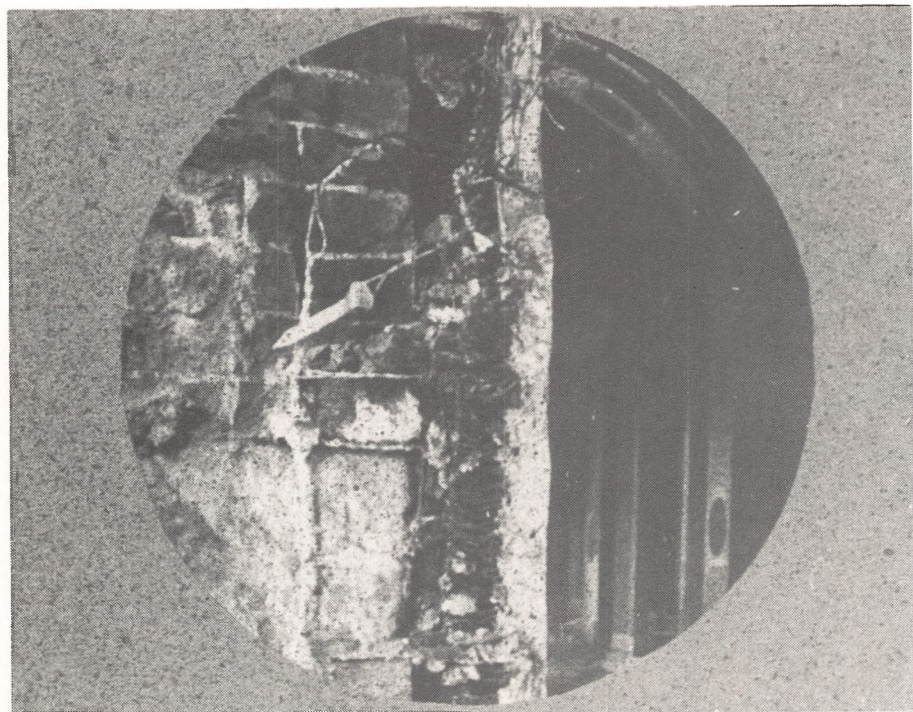
Стена, освобожденная от облицовки и живописи. Видна ниша, из которой вынута картина.

Пробная съемка живописи, сняты художественно сделанные головы.

Подпись см. предыдущую страницу.

7 **МРАМОР И ГРАНИТ,**
составлявший облицов-
ку храма внутри и сна-
ружи, аккуратно счи-
мался и вывозился из
храма на временный
склад, откуда направ-
лялся по музеям и в пе-
реработку.

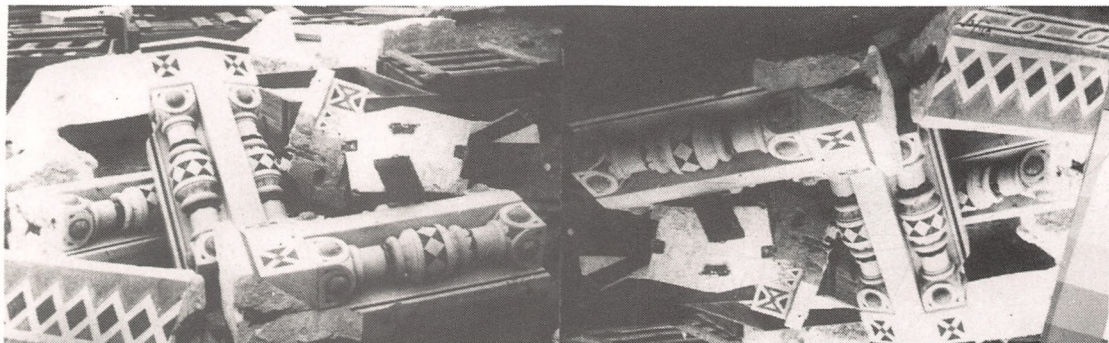
Вид с главного купола на площадку храма. Виден нормальный кран и стоящая около него подвода, приехавшая за мрамором. Большое белое пятно – куча кирпича, вынутого из стен храма.

Склад вынутаго мрамора. Видны уложенные доски с надписями, находившиеся на стенах храма.

Вид временного склада мрамора на площадке храма. Темные пятна на белом мраморе – инкрустация цветным мрамором.

Мрамор на временном складе. Хорошо видны инкрустации и подкладки, на которые мрамор положен.

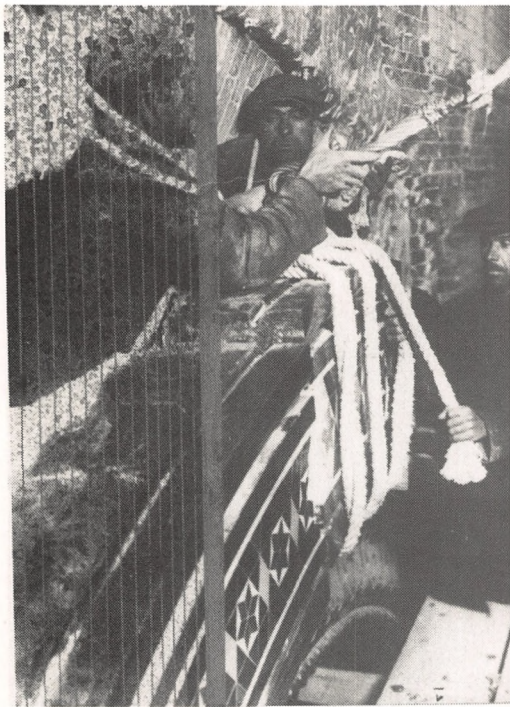

Мрамор на складе.

Отдельные гранитные плиты на временном складе.

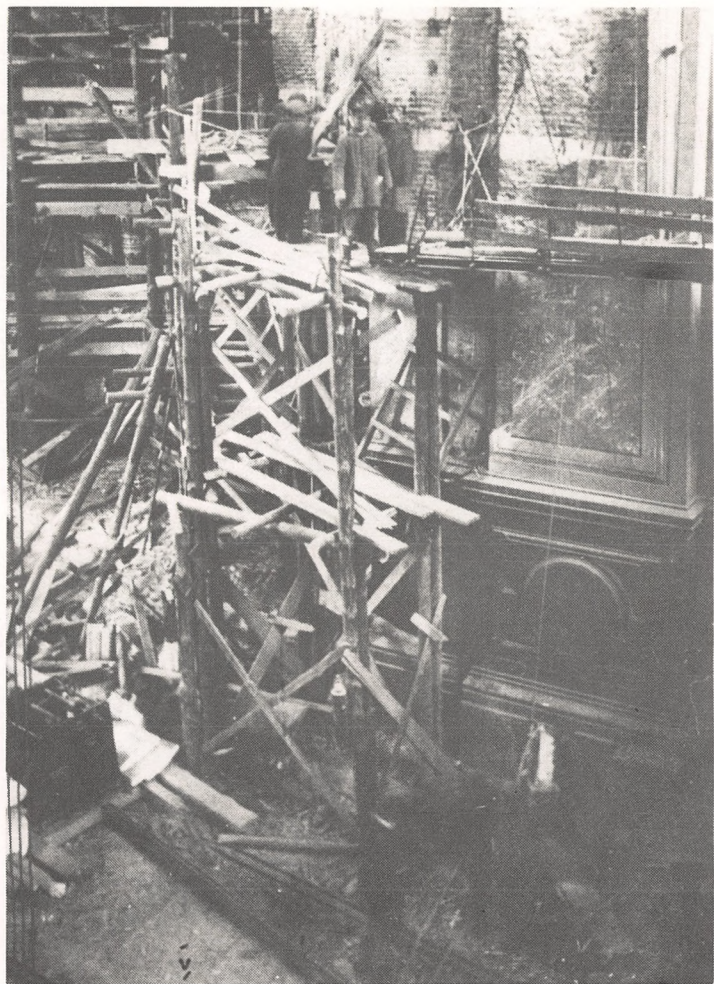

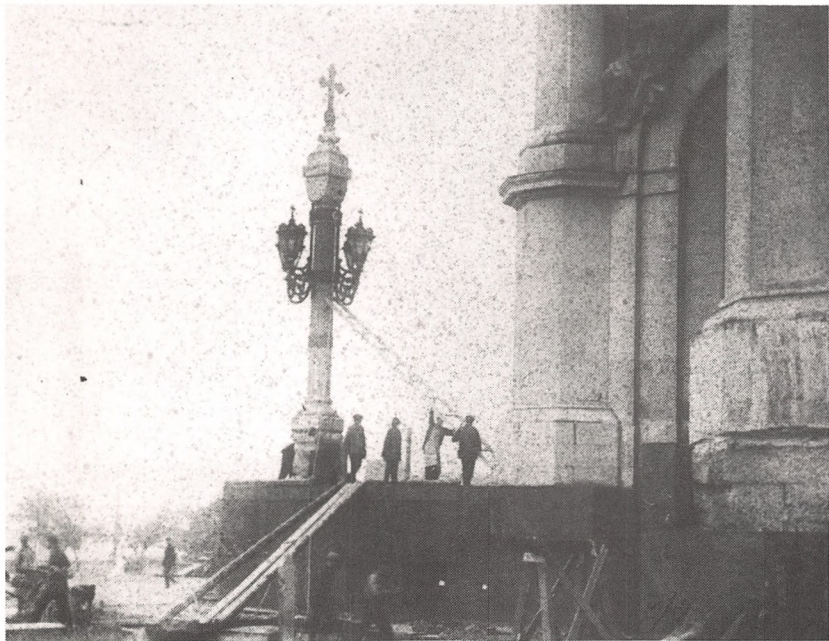

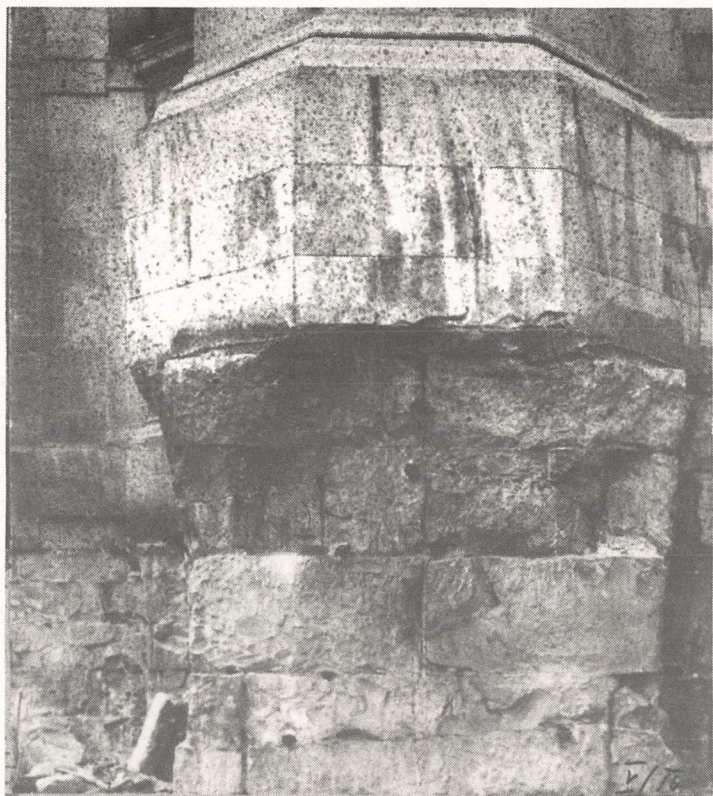

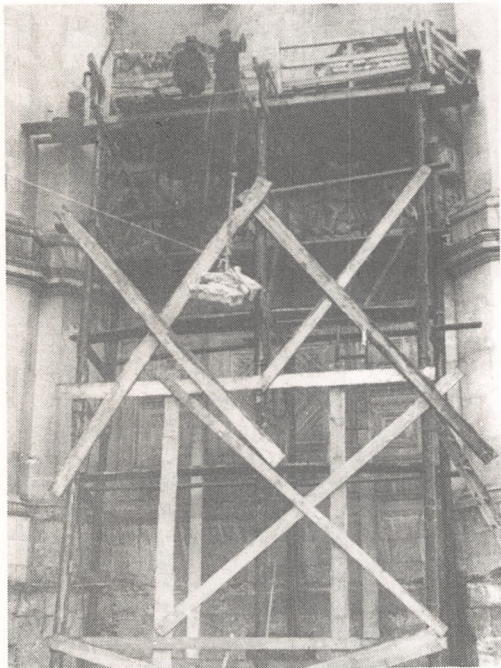

Снимают фонари окружавшие храм. Работа внутри храма развернута.

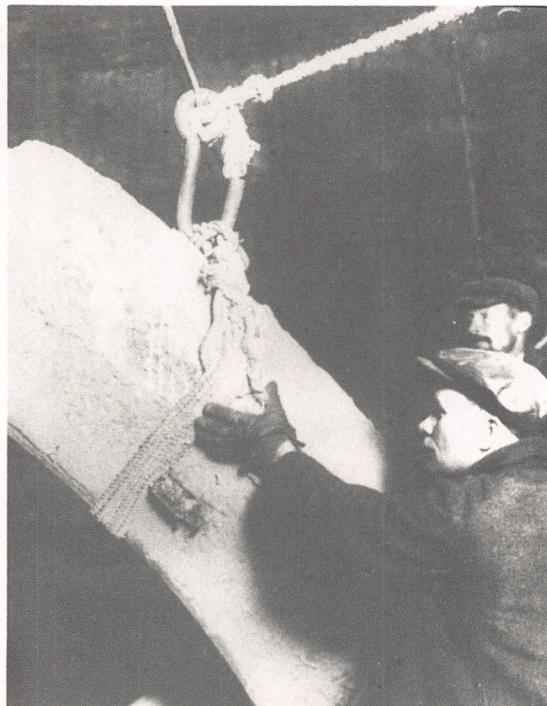
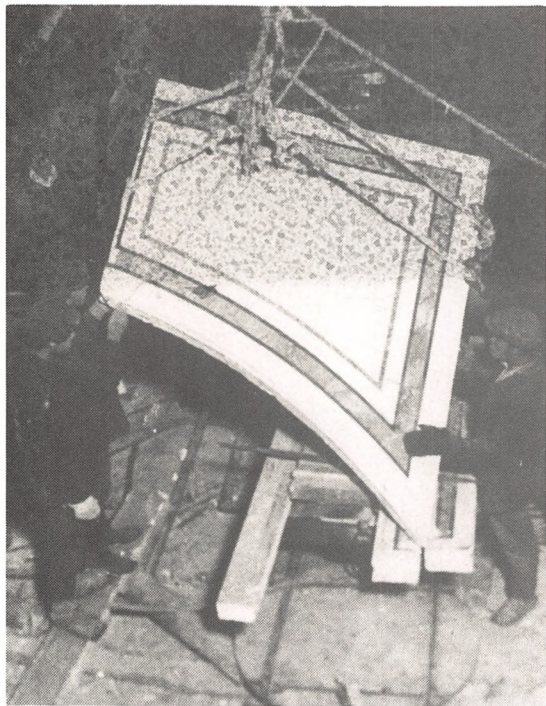
Вид цоколя после снятия гранитной облицовки. Ясно видны следы облицовки цоколя плитами белого Подольского мрамора. Эта облицовка была поставлена по первоначальному проекту и затем срублена по распоряжению Александра II, которому она не понравилась, так как не гармонировала с гранитными лестницами, вторично облицовка была сделана из гранита.

Подрубка облицованных плит, перед спуском вниз. Рабочие стоят на временных подмостях.

Отдельные глыбы гранита наружной облицовки.

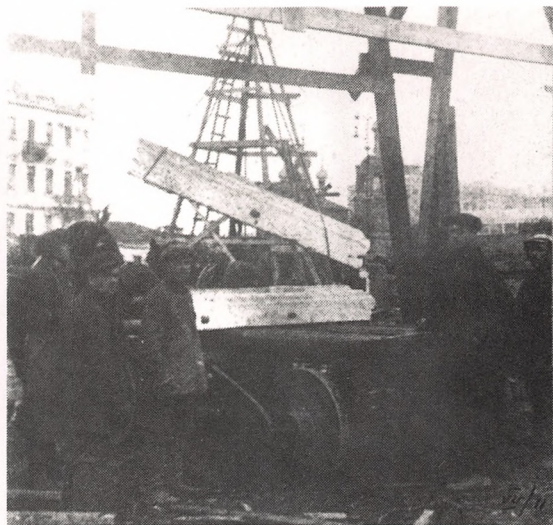
Момент прибытия вагонетки на временный склад.

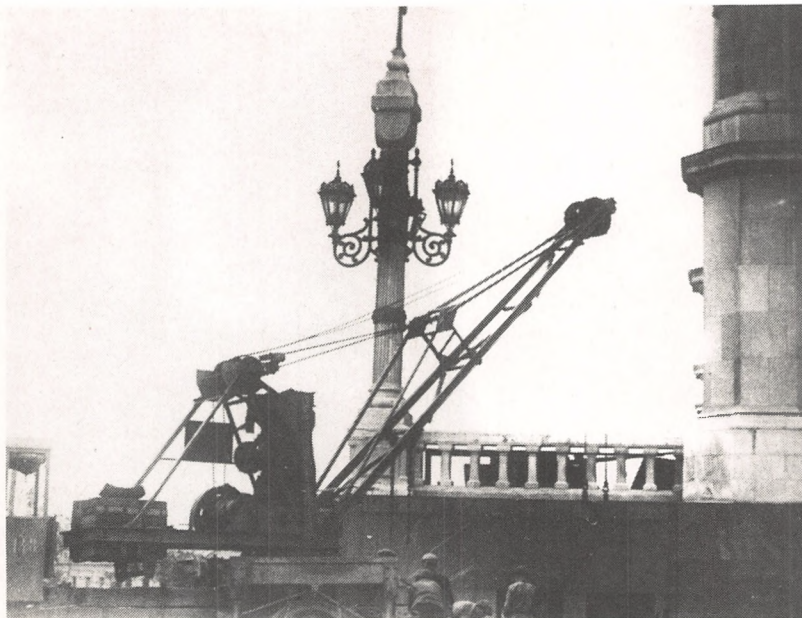
Снятый со стен мрамор и другие ценные камни на узкоколейках вывозят их храма и тщательно укладывают на дворе для временного хранения.

Груженные подводы – виден рельс нормального крана, установленного на площадке храма.

Погрузка мрамора на подводы для отправки с временного склада на базисный склад. Погрузка производится при помощи нормального крана на рельсовом ходу.

Катучий кран на автомобильном ходу, грузоподъемностью 3 т., применявшийся для погрузки вынутаго из храма мрамора на автомашины. Вследствие тяжести плит один из подобных кранов был сломан.

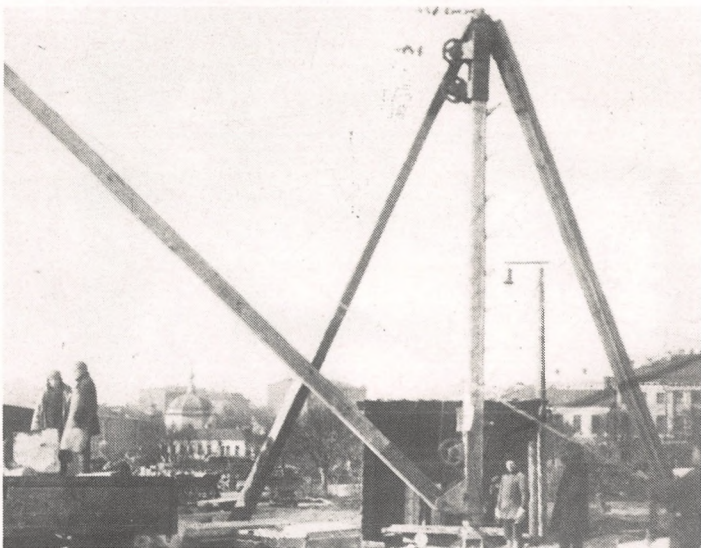
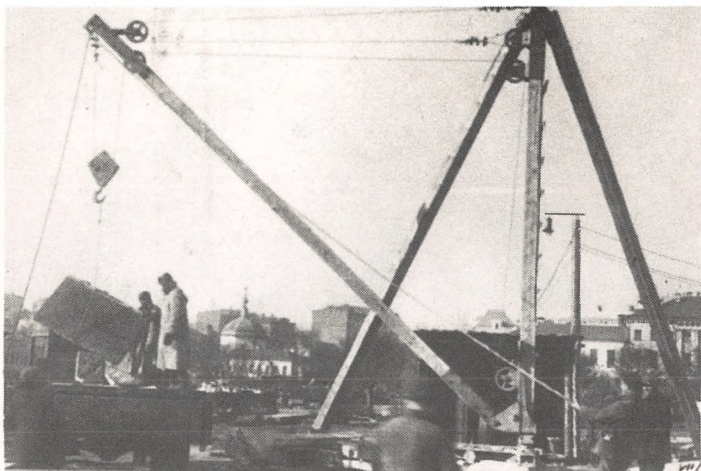
Работа крана укладывающего мраморную облицовку.

Погрузка мрамора 3-х т. катучим краном на автомобильном ходу. Мрамор грузится на площадке храма для отправки на базисный склад.

Погрузка мрамора краном на автомобиль. Момент укладки мрамора на платформу автомобиля.

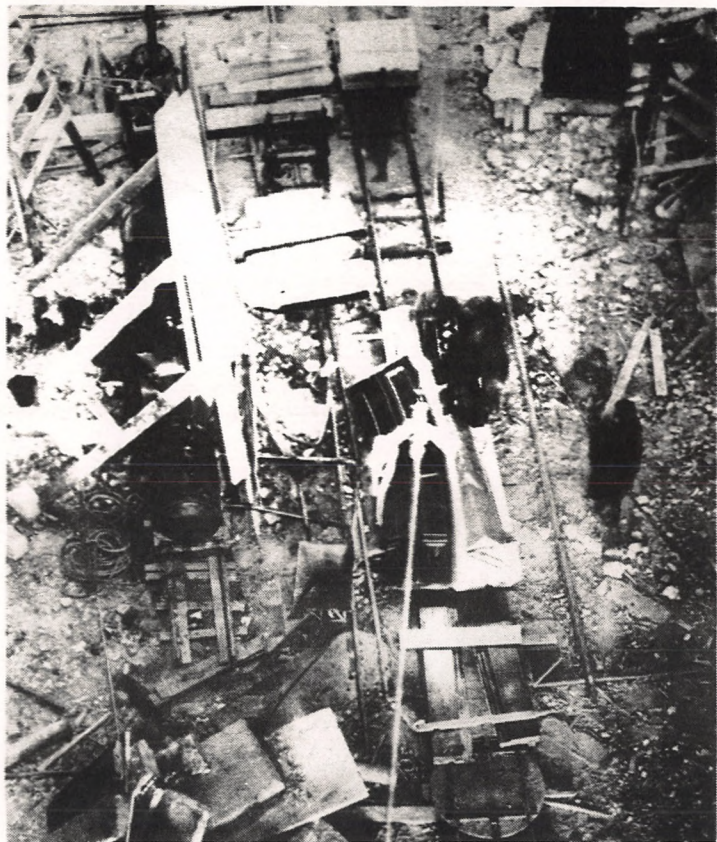
Погрузка мрамора на платформу грузового автомобиля. Погрузка производится краном Деррик грузоподъемностью 3-х т.

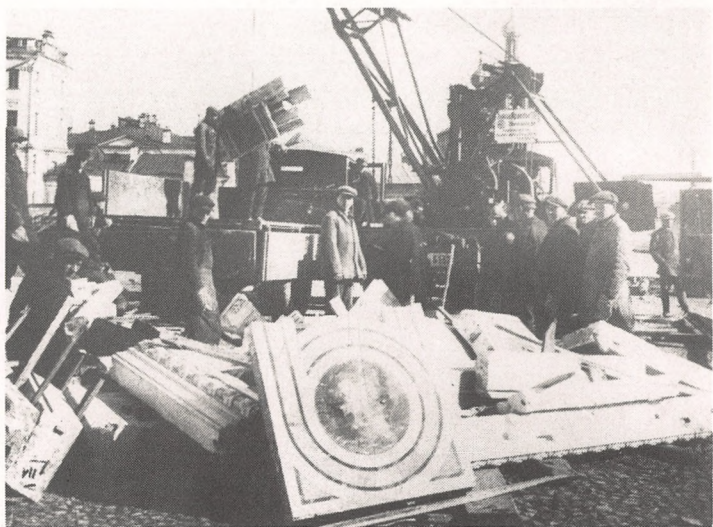
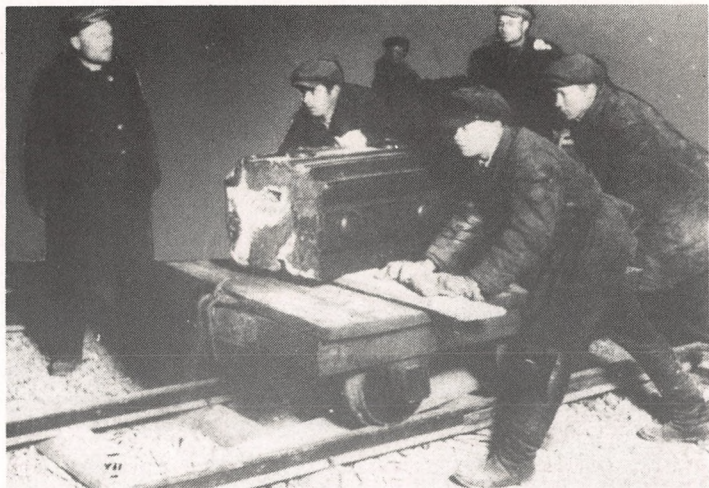
Транспорт строительства Дворца Советов в период подготовки площадки под строительство.

Погрузка снятых плит на автомашину по наклонному упору при помощи краноукосины.

О ГОРЕЛЬЩИЦЫ, ПОМЕ-
ЩЕННЫЕ НА НАРУЖНЫХ
СТЕНАХ ХРАМА АККУРА-
ТНО СНИМАЛИСЬ, СКА-
ДЫВАЛИСЬ НА ВРЕМЕН-
НЫХ СКАДАХ И ОТПРА-
ВЛЯЛИСЬ В МУЗЕИ.

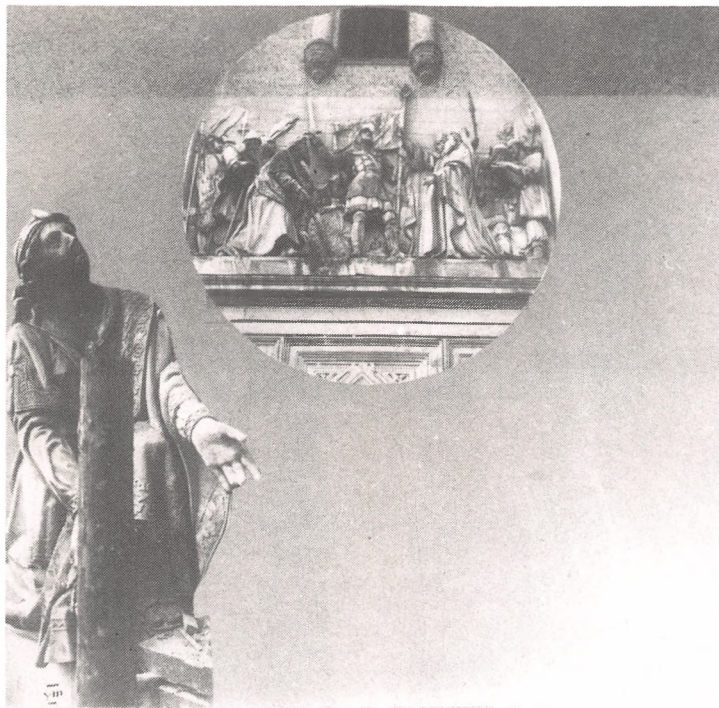

Видны котлы отопления храма. Площадь нагрева около 50 м^2 . Были помещены в подвале храма. При выемке нужно было или разобрать котлы или подорвать часть стены, не поддающейся разборке вручную.

Из представленных главн. инженером 2-х вариантов нач. треста тов. Линовский утвердил взрыв, который и был произведен. Через образовавшееся отверстие котлы были вынуты и переданы для эксплуатации на фабрики.

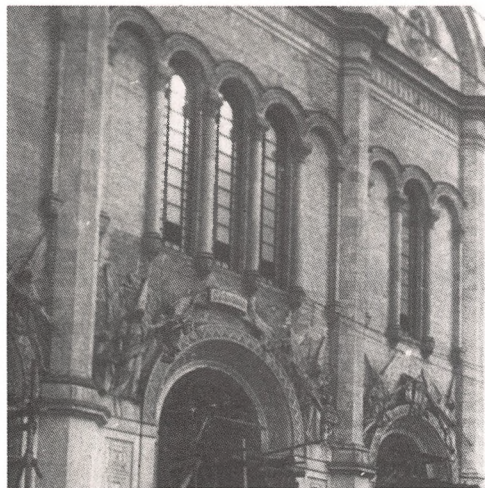

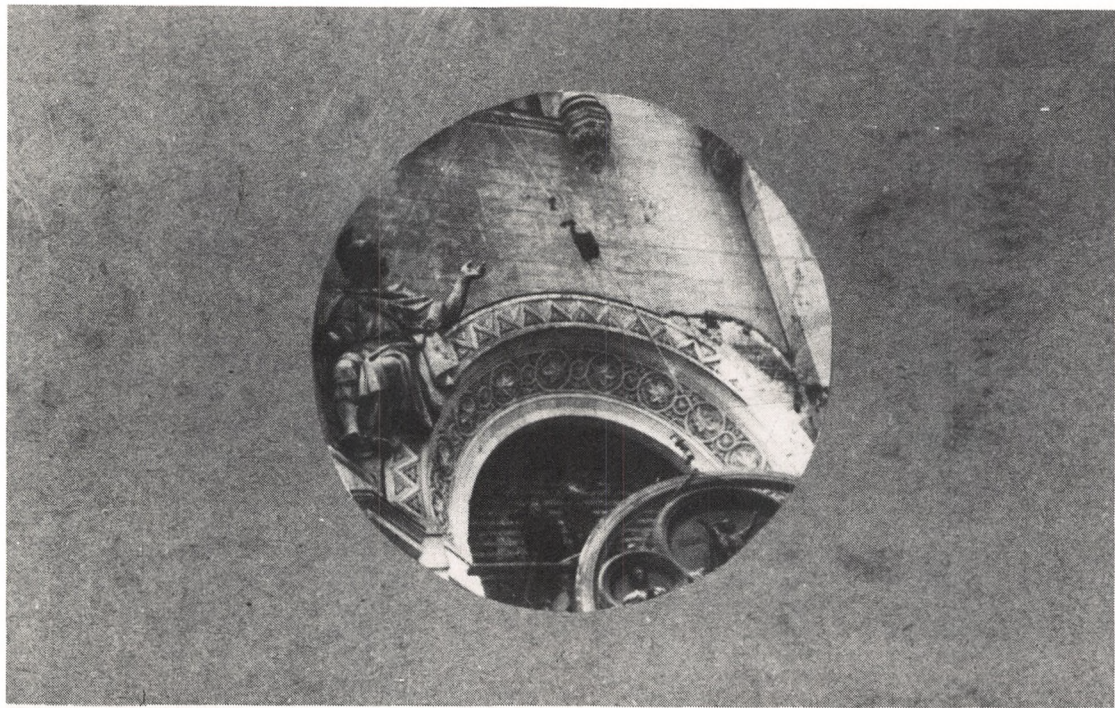

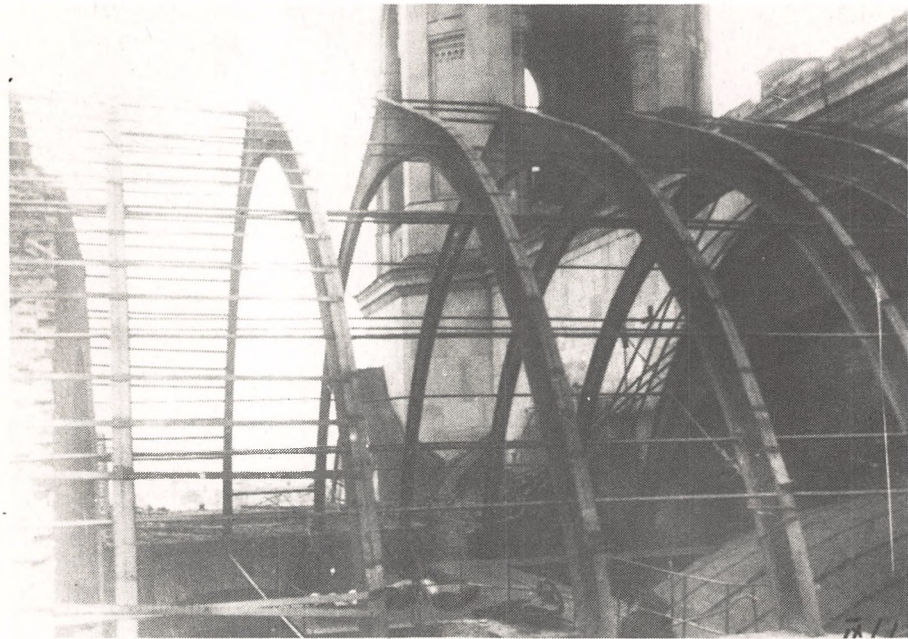

КУПОЛА С 4х БАШЕНЬ
ХРАМА ВЕСОМ ^{по} 16000 кг.
БЫЛИ СБРОШЕНЫ СРАЗУ.
ЦЕНТРАЛЬН. КУПОЛ ВЕ-
СОМ 192000 кг. БЫЛ РАЗОБ-
РАН ПОСЛЕ СБРОСА ВЕРХ-
НЕЙ ЧАСТИ. МЕТАЛЛИЧЕСК.
ФЕРМЫ КРЫШИ БЫ-
ЛИ ТАКЖЕ РАЗОБРАНЫ
И СПУЩЕНЫ ВНИЗ

Разбор стальных стропил боковых крыльев храма.

Автогеном режут балки стропил боковых крыльев.

Лебедки, установленные для сбрасывания купола.

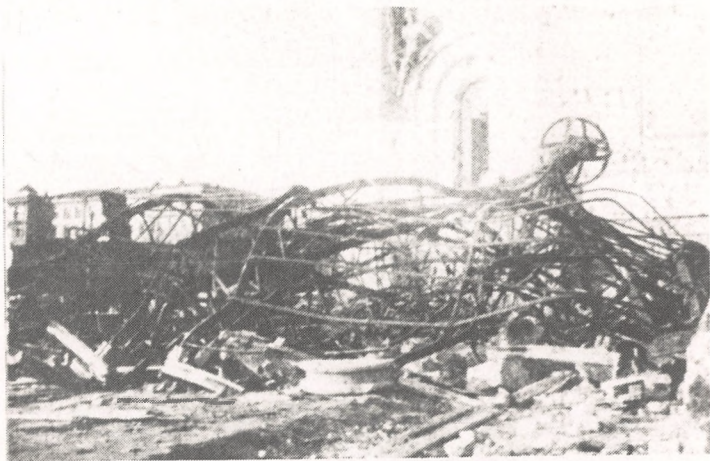
Поднимают домкратом купол для сбрасывания.

Моменты натяжки тросов и сбрасывания.

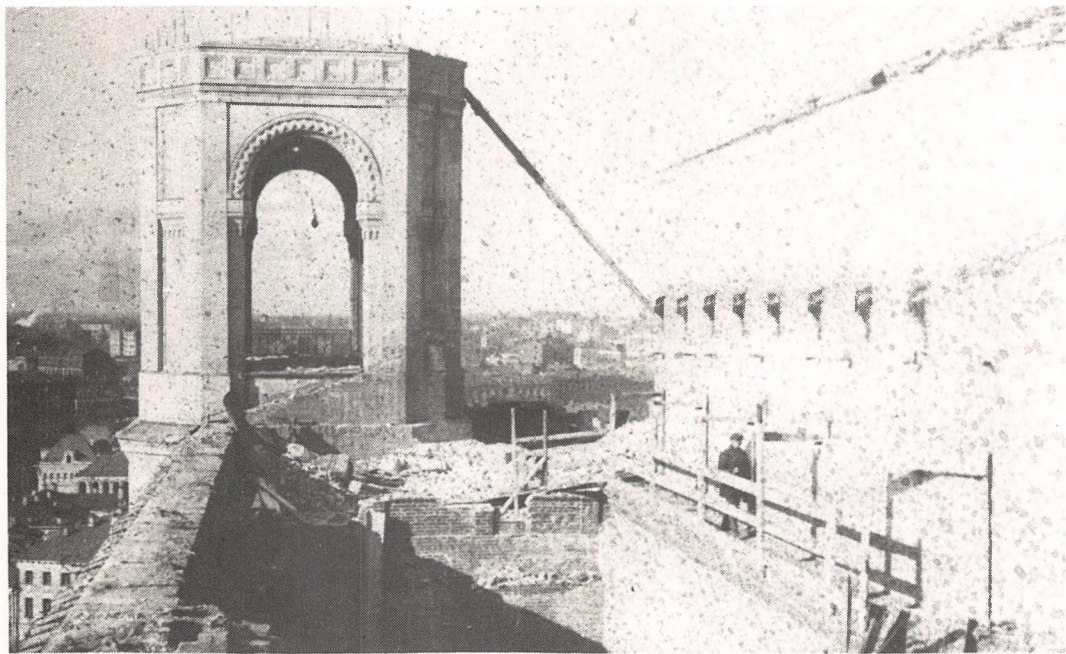
Сброшенный малый купол.

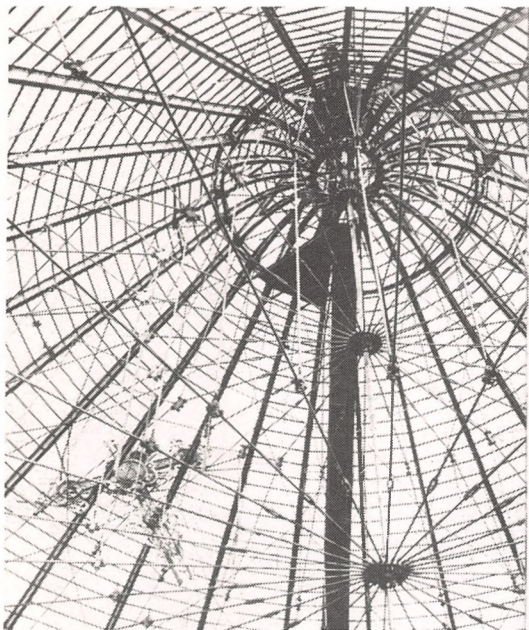
Автогенная резка сброшенного целиком каркаса малого купола. Вес 16 000 кг.

Башня храма без купола, купол сброшен. Видны стропила, перекрывающие чердак.

Вид на ту же башню. Стропила перекрывающие чердак сняты.

Вид на большой купол со свода главного барабана храма. Виден упавший и застрявший в обрешетке крест.

Автогеном режут обрешетку.

Съемка стальных балок с каркаса главного купола, освобожденных от обрешетки.

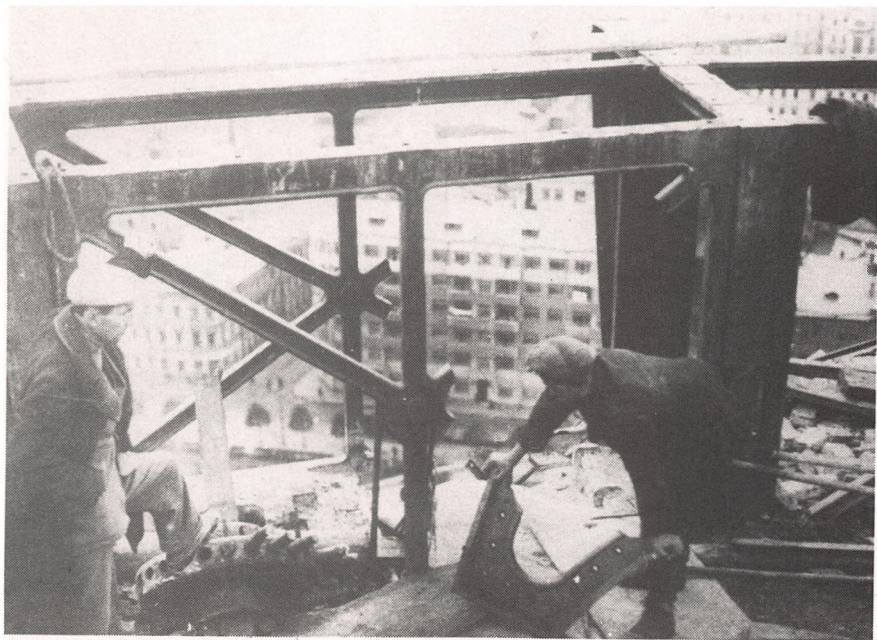
На высоте 96 метров.

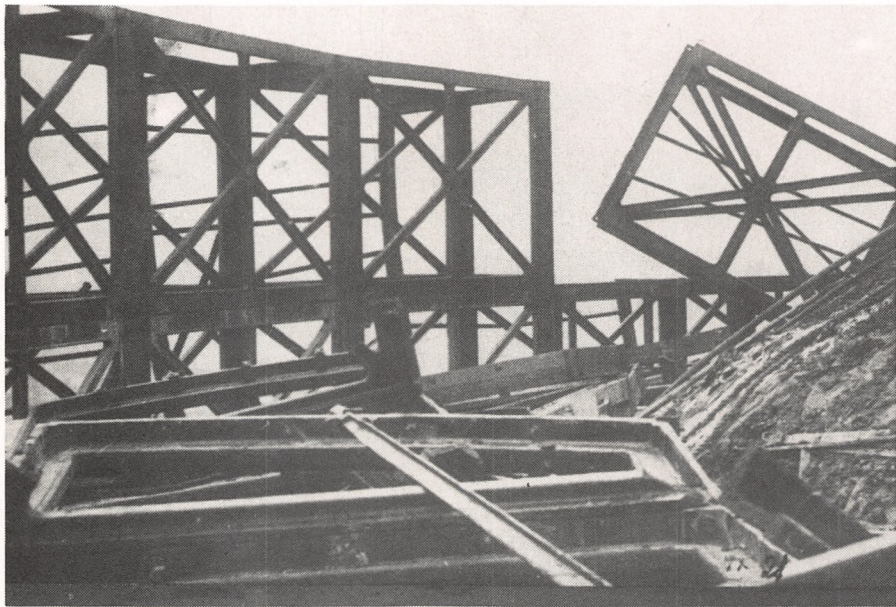

Спуск снятой балки №43 с каркаса главного купола на землю по подвесной канатной дороге. Высота около 100 м. Длина пути – 200 м.
Вид на разбираемый главный купол.

Съемка консоли, на которых держались балки главного купола.

Снимают последний ярус чугунной решетки. Высота чугунной решетки, державшей купол, около 20 м.

10

ГРУППОЙ ОТСТАЛОГО

В ТЕХНИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ
ИНЖЕНЕРНОГО ПЕРСОНАЛА
БЫЛО ВЫСКАЗАНО ОПАСЕНИЕ,
ЧТО ВЗРЫВНОЙ МЕТОД РАЗРУ-
ШИТ НЕ ТОЛЬКО ХРАМ, НО ВСЕ
ОКРУЖАЮЩЕЕ. ВСЛЕДСТВИЕ
ПОДНЯТОЙ ИМИ ПАНИКИ, БЫ-
ЛИ ПРОИЗВЕДЕНЫ ПРОБЫ РАЗ-
БОРКИ ХРАМА ВРУЧНУЮ, ДАВ-
ШИЕ ОТРИЦАТЕЛЬН. РЕЗУЛЬТАТ.

Гирей бьют чугунную решетку перед сбрасыванием вниз и отправкой на завод б. Гужена для переливки в машинные части.

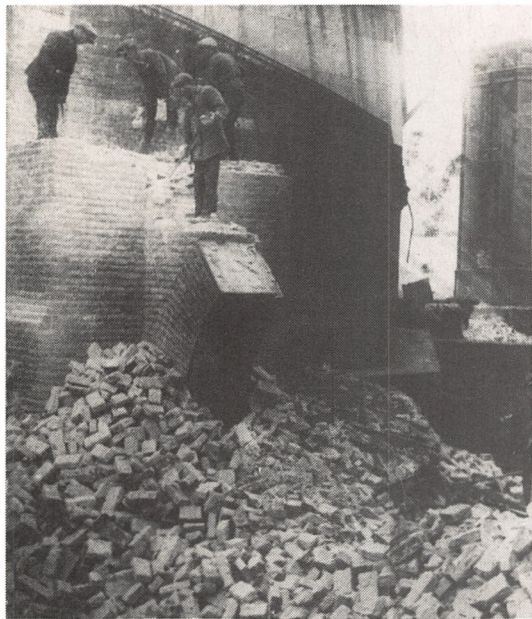
Все снято, сейчас начнут снимать подвесную дорогу, по которой спустили 10 000 пудов металла.

Храм был сложен на цемянке из 40 млн. шт. кирпича с прокладкой из лещадных плит. Опасаясь результатов взрыва, из Стр. Управл. предложили 18 Тресту Дворец-строй вести разборку вручную.

Попытка разобрать храм вручную по настоянию Нач. Стр. Управления при ЦИК СССР арх. М. В. Крюкова. Опыт доказал невозможность подобного способа работ и оправдал взрывной метод.

С риском для жизни, ломом и рукой по одному кирпичу.

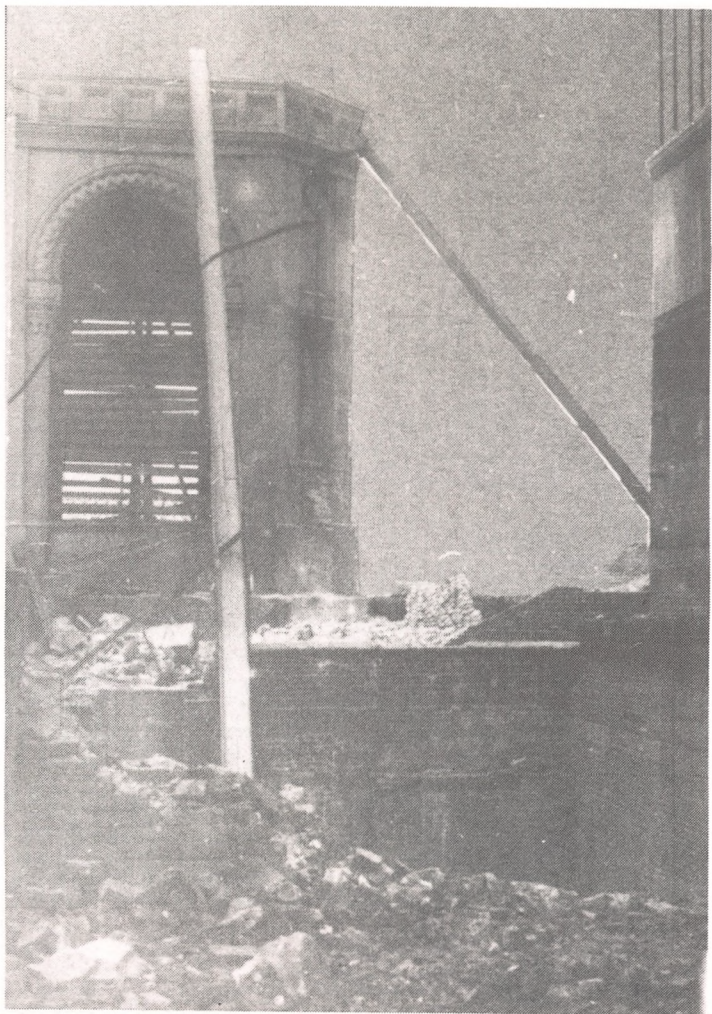

Как ломать вручную, как отделить облицовку из Подольского камня, когда она прикреплена к каменной кладке железными перонами и залита свинцом.

Лом кладку не берет, надо по кирпичу дробить в порошок и бить зубилом. Обращает на себя внимание узость фронта работ, больше одного по условиям техники безопасности поставить нельзя.

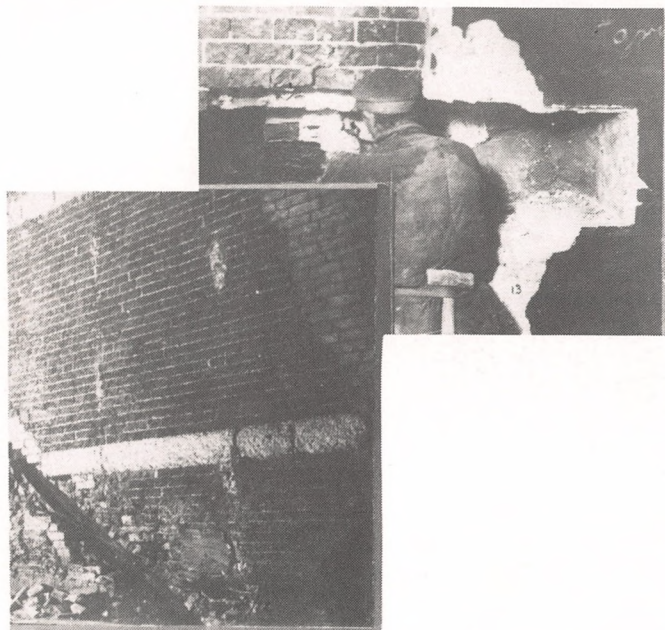

Видны установленные лотки – для спуска кирпича с малого барабана на свод храма. Вдали видны штабели сложенного кирпича. Кругом лежит битый кирпич, поколовшийся при разборке. Снимок сделан на высоте до 70 м.

По кирпичику ломом.

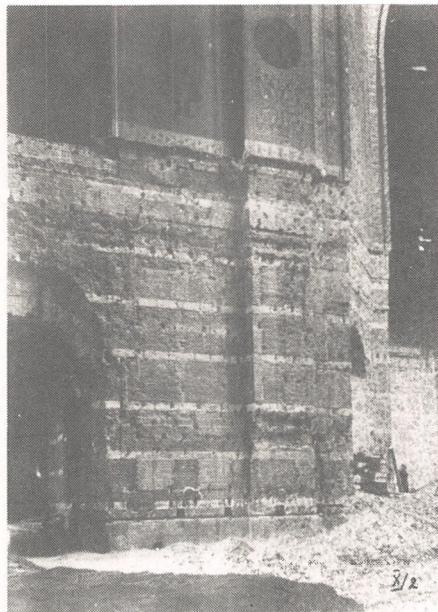
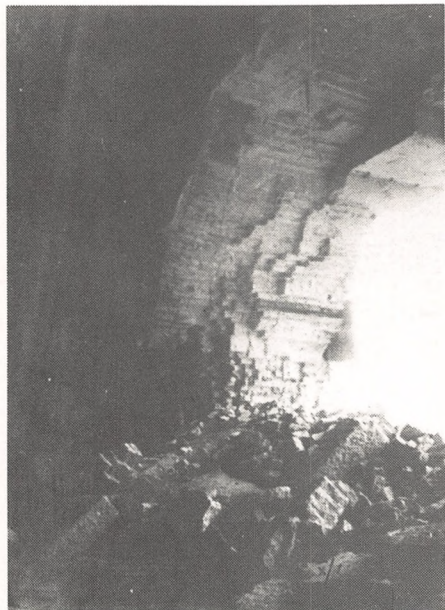
Пробная бойка каменной кладки для испытания прочности ее. Стена, сложенная на цемянке, кирпича целым не выдавала. Кирпич кренился скорее, чем шов. Работа вручную невозможна.

Образцовая кладка стены на цемянке. Видны прокладные лещадные плиты.

ПОСЛЕ СНЯТИЯ ВСЕХ
ЦЕННОСТЕЙ, ХРАМ БЫЛ ОБРУ-
ШЕН ВЗРЫВОМ. ВЗРЫВ СОЗДАЛ
ПО ВСЕМУ ПЕРИМЕТРУ СТЕН И ПИ-
ЛОНОВ ХРАМА 2-МЕТРОВУЮ РАЗ-
РЫХЛЕННУЮ СРЕДУ. СТЕНЫ И
ПИЛОНЫ ПОТЕРЯЛИ ОПОРУ, УПА-
ЛИ И РАССЫПАЛИСЬ ОТ ПАДЕ-
НИЯ. ПЯТЬ АРОК БЫЛИ ТАКЖЕ
РАЗРУШЕНЫ, ТАК КАК ОПАСА-
ЛИСЬ, ЧТО АРКИ БУДУТ СДЕРЖИ-
ВАТЬ ПАДЕНИЕ СТЕН И ПИЛОНОВ.

Перед производством взрыва храма было проведено несколько опытных взрывов малыми зарядами. Взрывы вели снаружи и внутри. Внутри храма – с целью установления прочности стен и проверки расчетных данных для заряда.

Пробный взрыв снаружи храма, взрыв имел целью установить коэффициент заряда.

Результат пробного взрыва внутри храма.

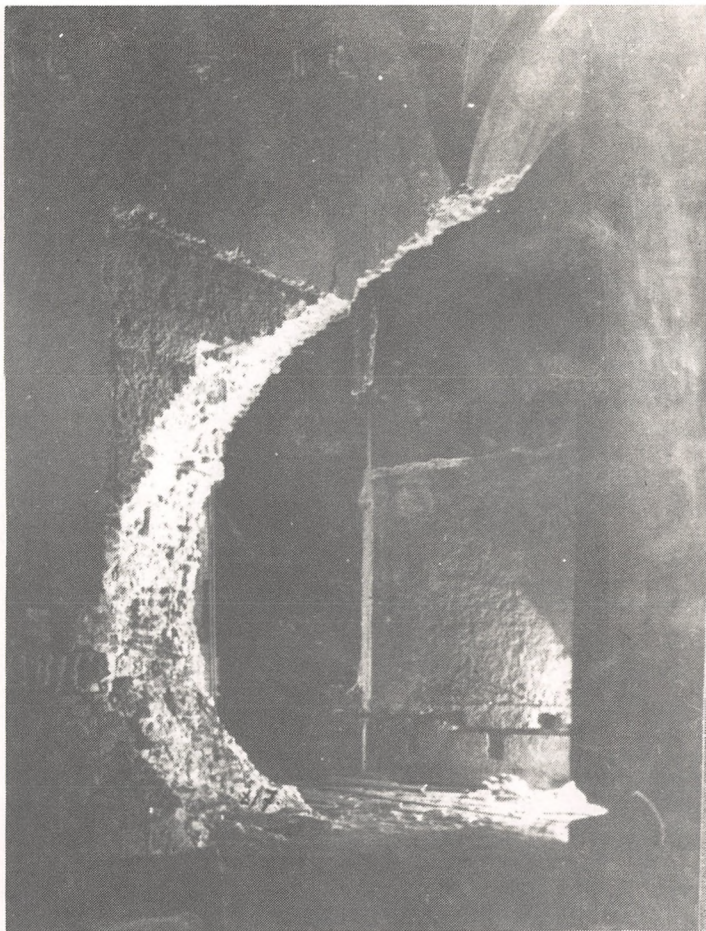
Пробный взрыв части пилона, произведенный для получения коэффициента заряда и ориентировочных сейсмических наблюдений, после которых было решено явления, происходящие при взрыве, относить не к классу землетрясений, а к группе промышленных толчков, молота и т. п.

Результат пробного взрыва у пилона. Взрыв был произведен для получения коэффициента, уточняющего вес заряда.

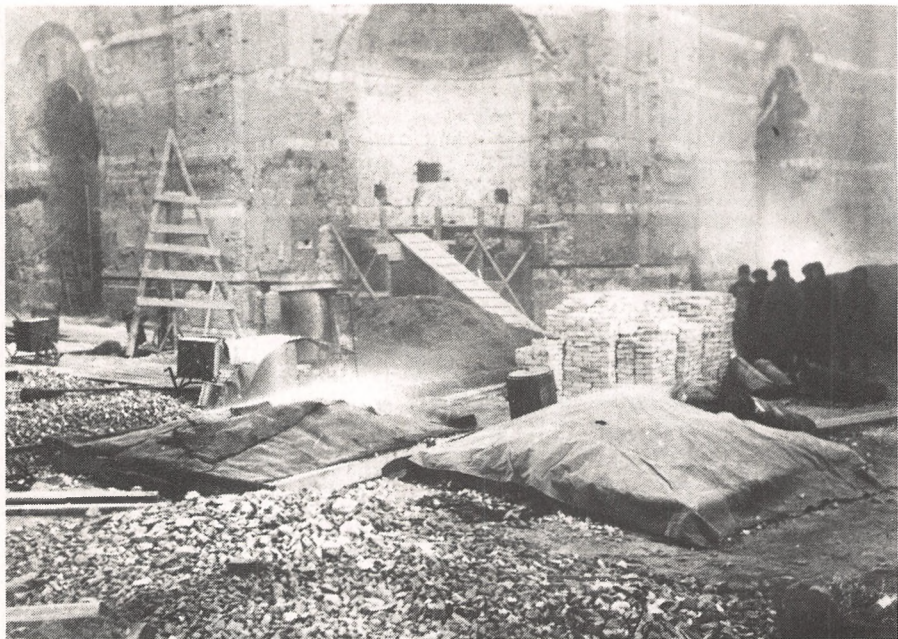
Пробный взрыв, произведенный для определения веса заряда и уточнения расчетного коэффициента.

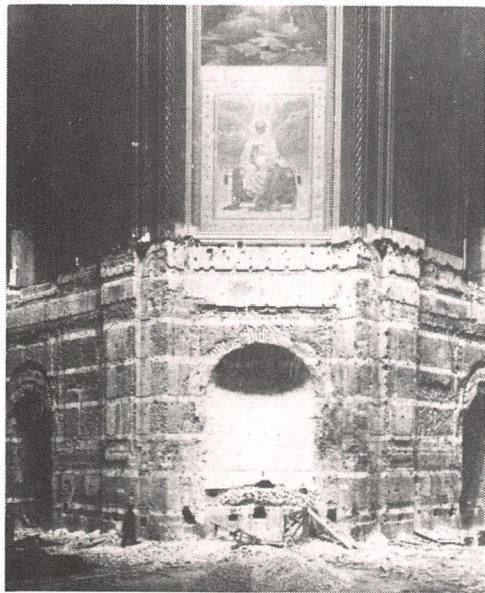
Взрыв внутри храма, отбитый взрывом кирпич убран. Видны обнажившиеся железные связи, заложенные в кладку. На заднем плане видны места, на которых были помещены мемориальные мраморные доски.

Снимок с макета: куча, которая образуется после взрыва храма. Макет был сделан по проекту И. о. Гл. Инж. Треста проф. Скородумова.
После взрыва образовавшаяся куча с макетом совпала.

Храм освобожден от облицовки и ценной живописи. Шнуры в стенах готовы, идет зарядка храма аммоналом (8 т). Готовится материал для бетонирования шпуров. Идет подогревание щебня паром из котлов подвезенных машин.

Храм подготовлен к взрыву. Все ценное снято. В стенах видны заложенные шпury.

Бурение шпура перфоратором. Шпур закладывается в перекрытие галереи. Взрыв имеет целью установить коэффициент внутренних зарядов.

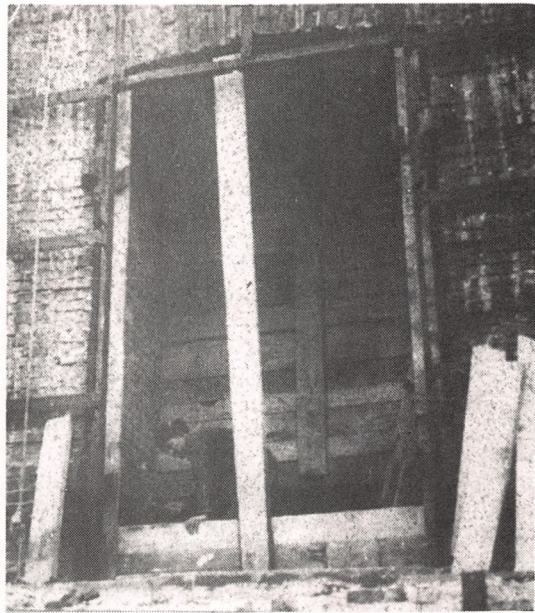
Закладка шпура для помещения зарядов в стенах храма.

Подготовка к закладке шпуров, в которые будут помещены заряды.

Готовые шпury, выделанные в стенах и пилонах храма. Глубины шпуров от 2 до 5 м. После помещения заряда шпury бетонировались.

Заделка оконных пролетов перед производством общего взрыва.

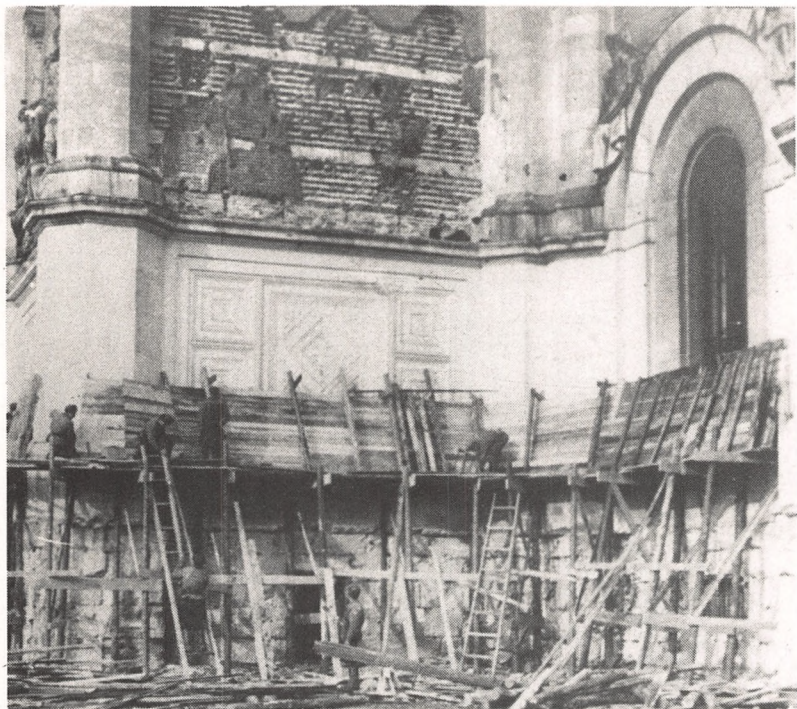
Деталь заградительного барьера, построенного для предупреждения разлета осколков.

Храм подготовлен к взрыву, видны предохранительные барьеры, построенные для предупреждения разлета осколков.

Храм будет подорван по периметру с разрушением точек, через которые проходят опорные реакции.

Архитектор Крюня выступил против взрыва. Начальник треста т. Линовский берет последствия взрыва на свою ответственность. В результате взрыв назначен на 5 декабря 1931 года.

Контакт 5 для взрыва внутреннего кольца.

Главный взрыв. Рвут пилоны.

Основной взрыв.

Два пилона взорваны и упали. Главный барабан держится на 2-х оставшихся пилонах.

Рвут последовательно два оставшиеся пилона и обрушивается барабан.

Подрывают боковые башни.

Основной взрыв произведен. Сохранилась наружная стена, разрушенная последующим взрывом. Все внутри разрушено.

Основной взрыв произведен, видна хорошо сохранившаяся наружная облицовка из Подольского мрамора. Стена подорвана следующей серией взрывов.

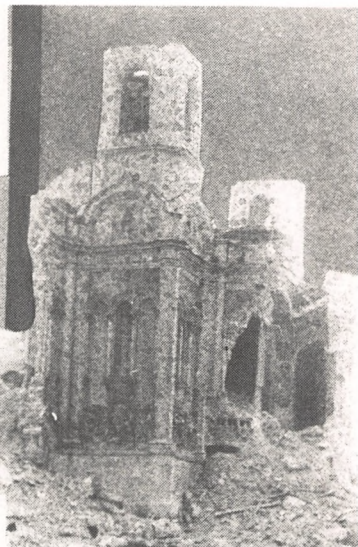

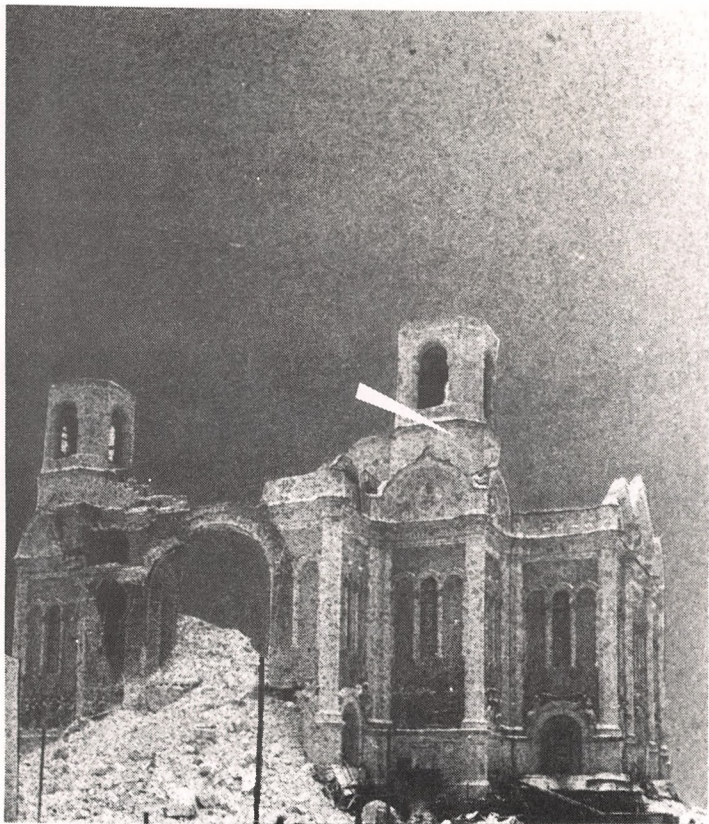

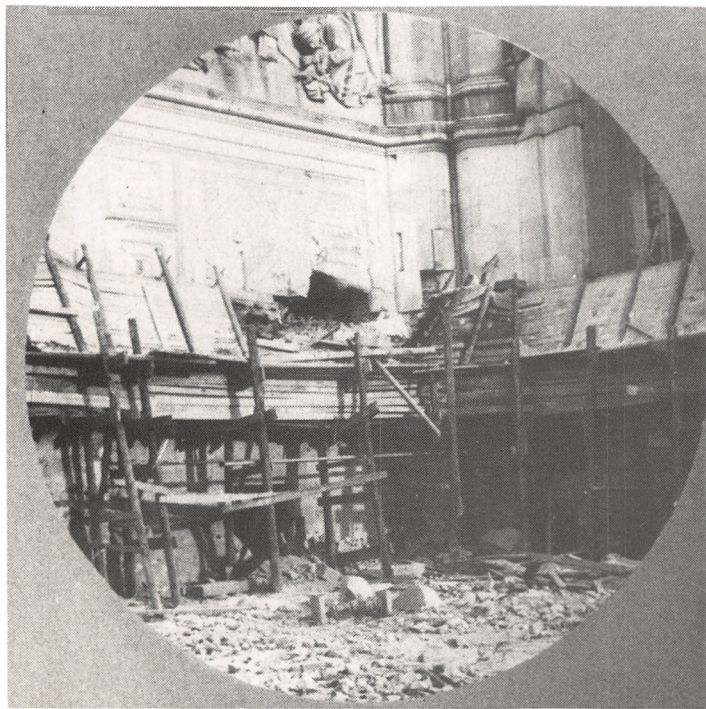
Вид после первой серии взрывов.
Вторая серия взрывов взяла оставшееся.

Вид после первой серии взрывов. Оставшиеся стены сохранились вследствие обрыва проводов, перебитых силой внутренних взрывов. Провода были заложены в штробах-желобках выбитых стен.

Провода были найдены и взрывы продолжены.

Деталь стены, сохранившейся после основного взрыва. Виден прострел, частично разрушивший барьер. Внутри стены остались заряды, за стеной масса кирпича от разрушенных стен. Перекрытие над подвалом осталось целым после производства всех взрывов.

12 ПАМЯТНИКИ

Вид с крыши б/храма. Виден снятый мрамор и катки, при помощи которых происходила выкатка отдельных плит весом 1,5 – 3 т.
В центре постамент памятника Александру III, подлежащий разбору.

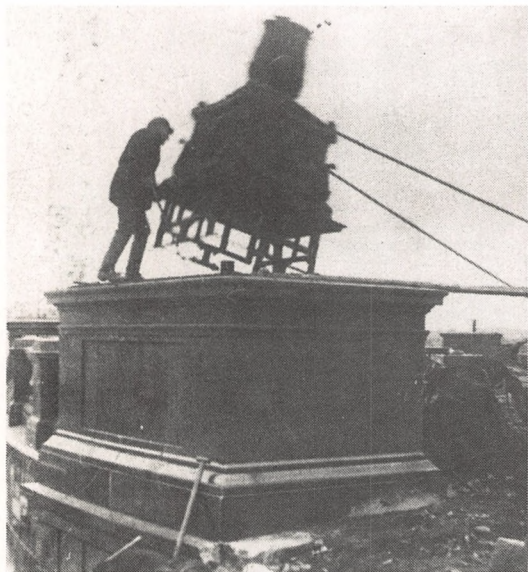

Часть лестницы постамента памятника Александру III. Постамент снесен вместе с храмом. Фигура царя убрана в 1918 г.

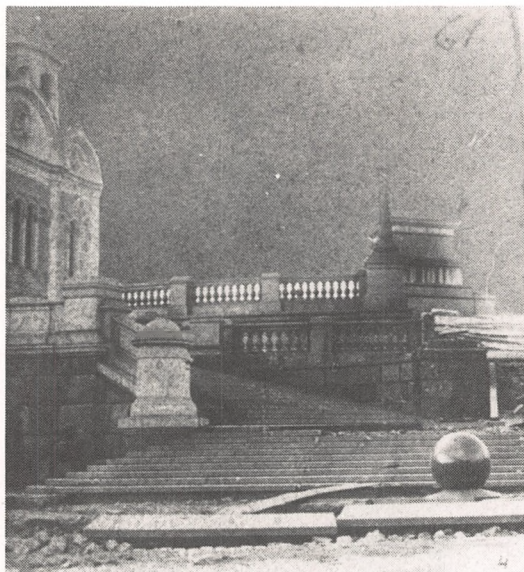

Підготовка фонаря у постаменту
пам'ятника Олександрові ІІІ к опро-
кидыванню.

Опрокидывают бронзовый фонарь у поста-
мента памятника Александру III.

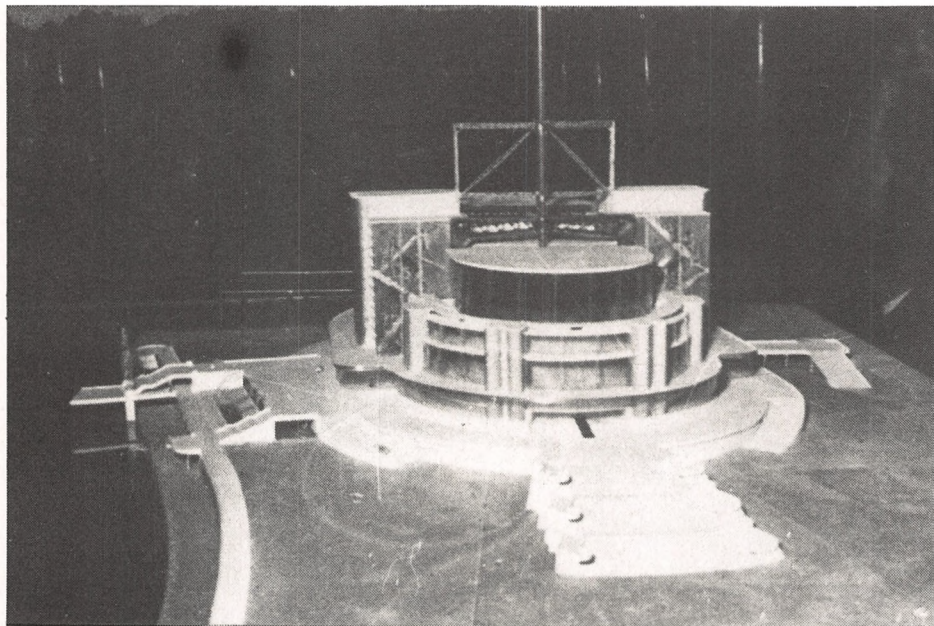
Разборка постамента памятника Александ-
ру III. Разбирают лестницу, с которой Нико-
лай II принимал парад на открытии памятника.

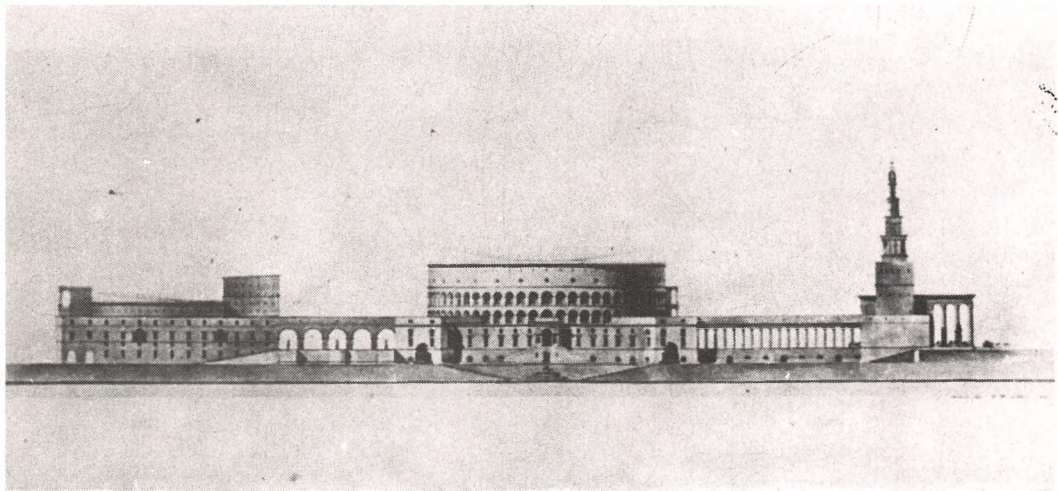

Разборка постамента. Производится подрубка связей, соединяющих гранитные плиты.

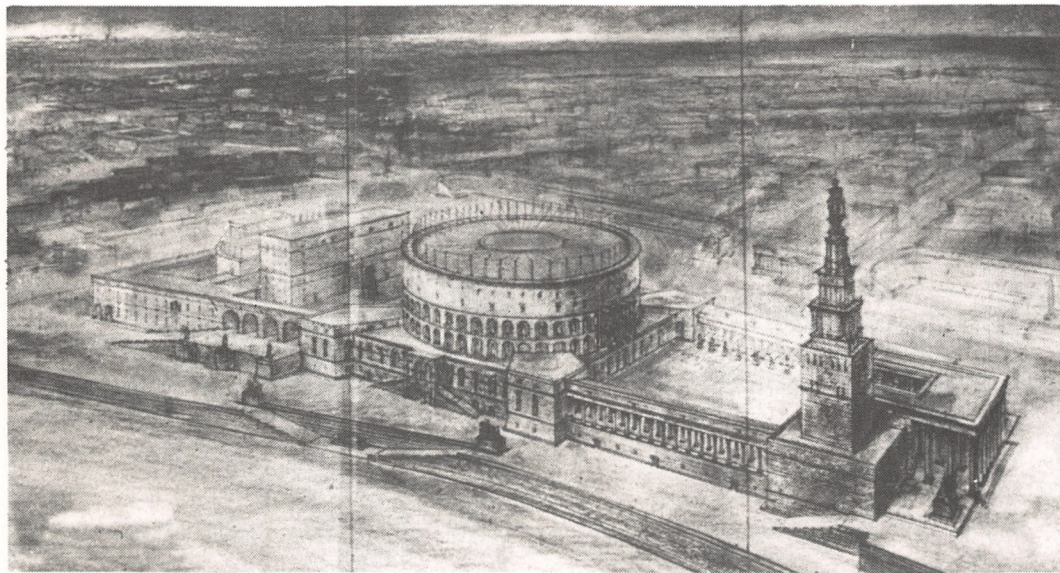

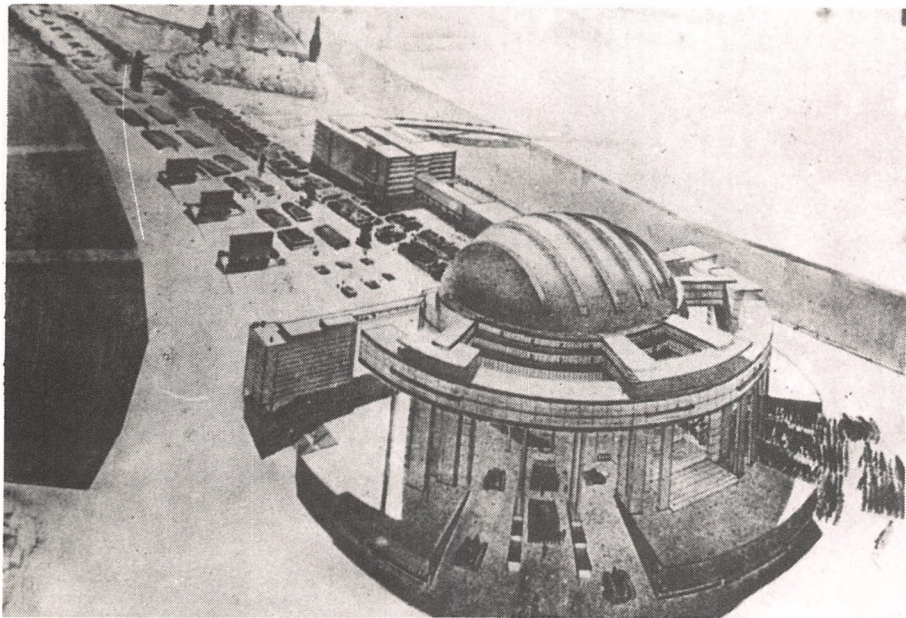
Проект Дворца Советов под девизом «КАК ПЕСНЯ».

Проект Дворца Советов архитектора Желтовского Б. М. Присуждена высшая премия – 12.000 руб.

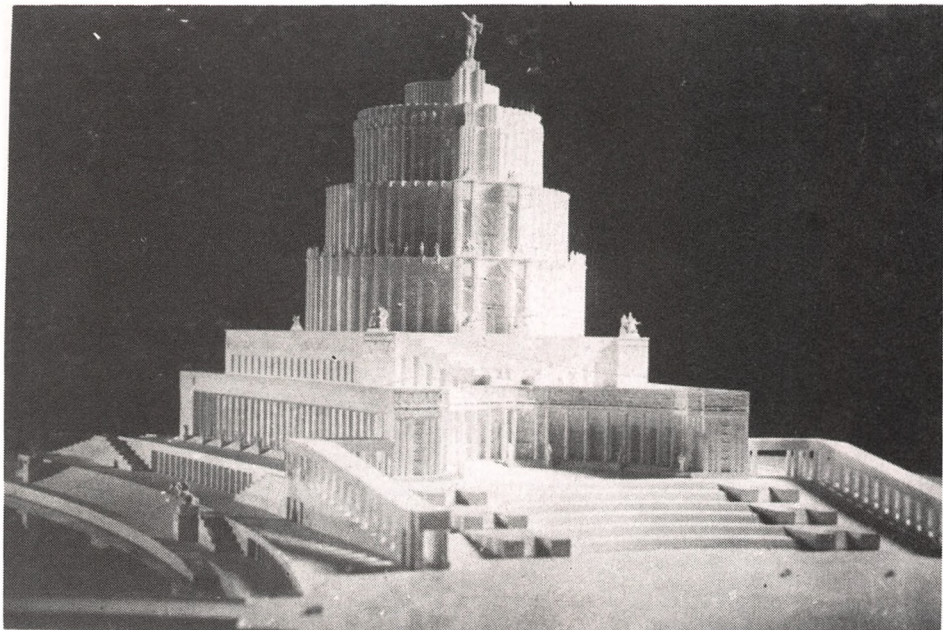
Вид сверху.

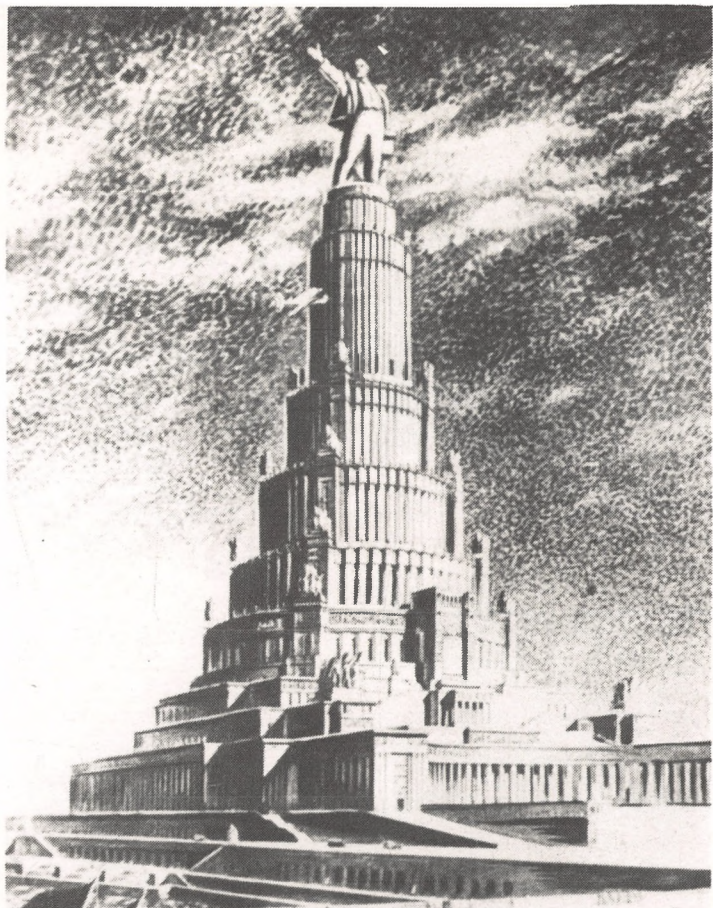
Проект Дворца Советов архитекторов Алавина К. С и Ошивирцева В. П.
Присуждена 1-я премия – 10.000 руб.

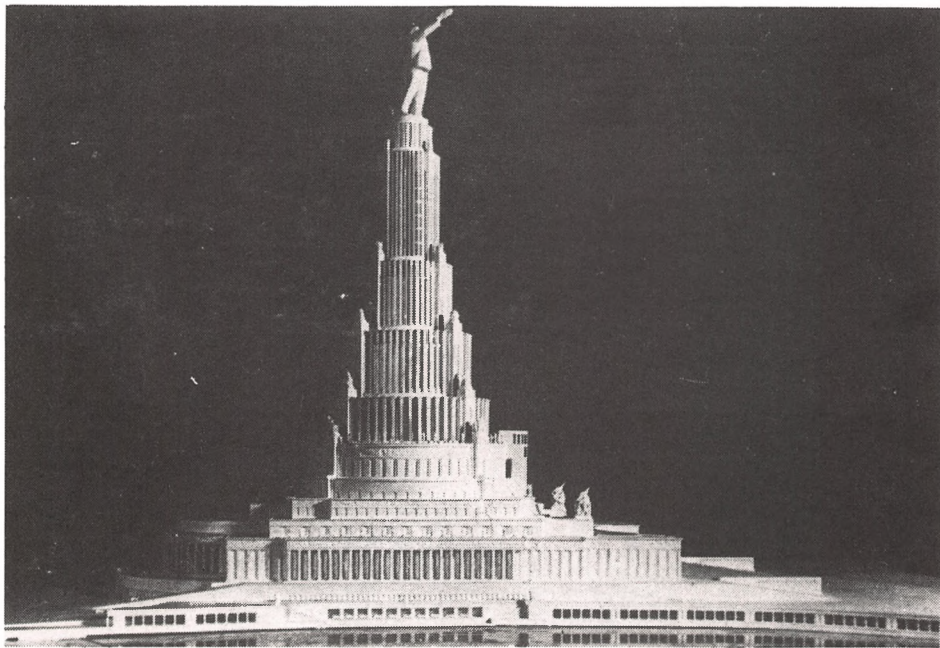
Проект Дворца Советов архитекторов Жукова А. Ф. и Чечулина Д. Н.
Присуждена 2-я премия – 10.000 руб.

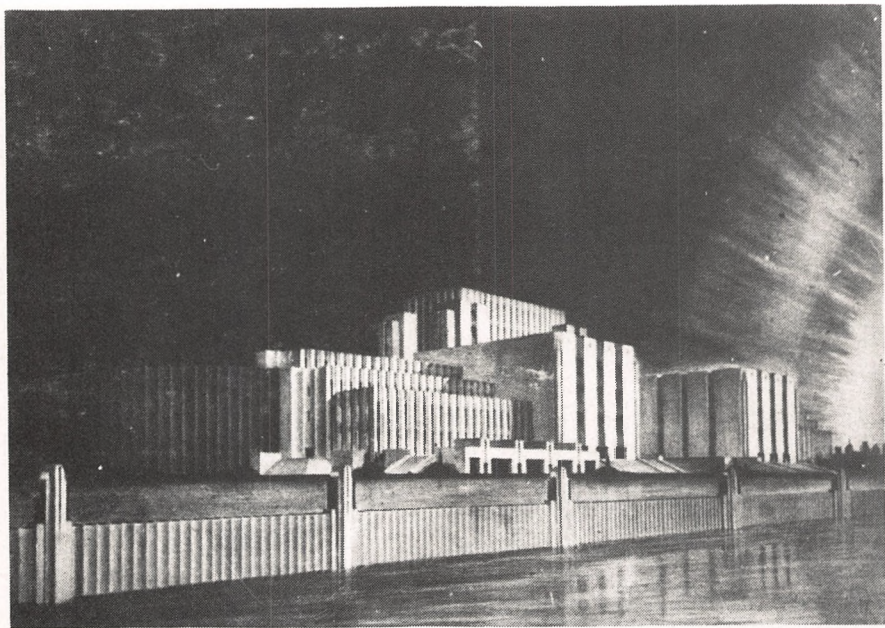
На снимке принятый Правительственной комиссией по строительству Дворца Советов. Принят за основу проект архитектора Иофана Б. М.

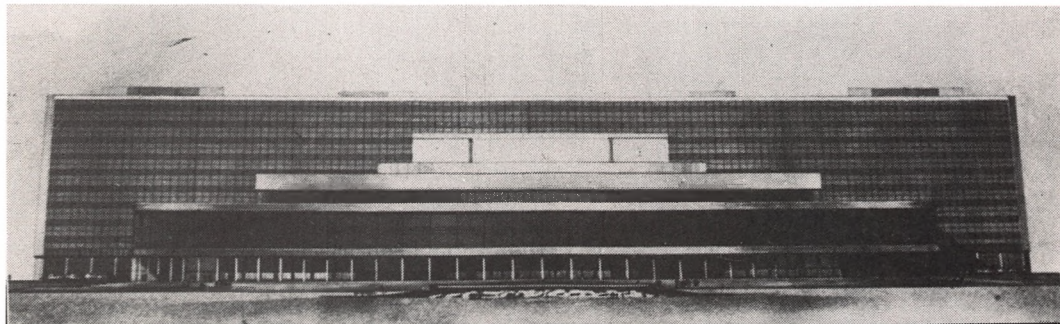
Архитектурный проект Дворца Советов, утвержденный Советом Строительства Дворца Советов. Проект составлен согласно постановлению Совета Строительства от 10 мая и 4 июня 1933 г. на основе принятого по конкурсу проекта архитектора Б. М. Иофана группой архитекторов в составе: проф. В. Г. Гольдфрейха, архитектора Б. М. Иофана и академика архитектуры В. А. Щуко.

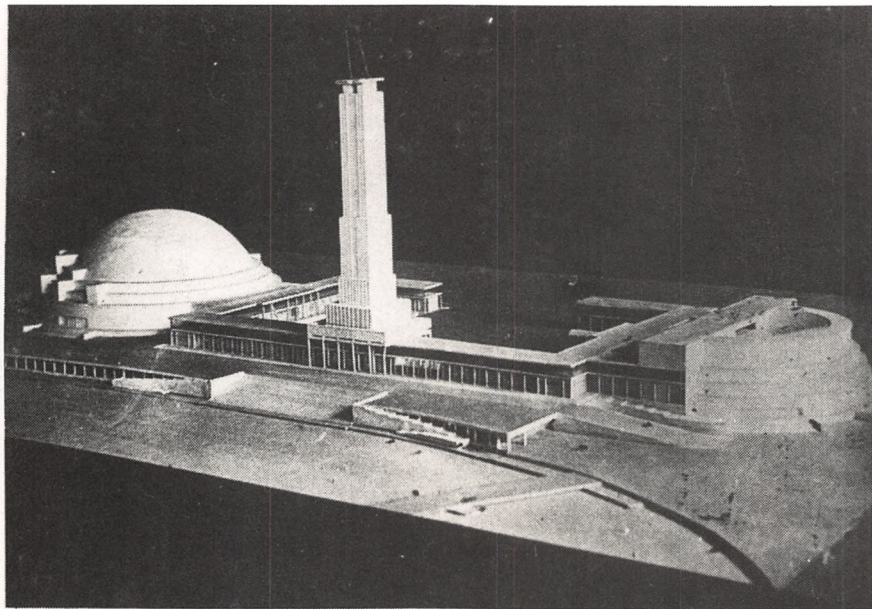
Модель здания. Вид со стороны Кремля.

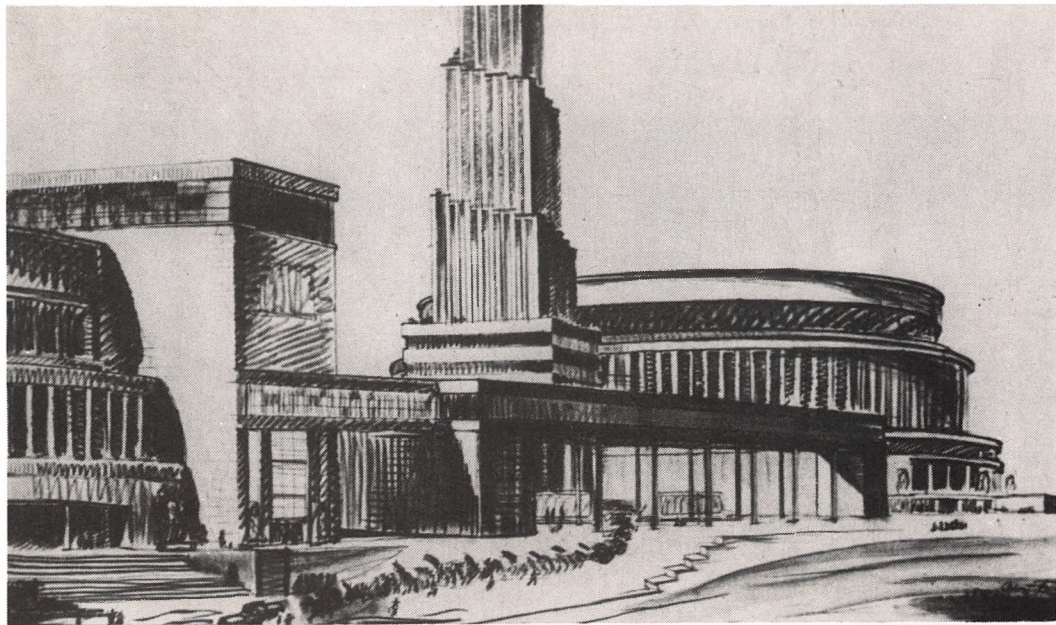
Проект Дворца Советов американского архитектора Г. О. Гамильтона. (Вид со стороны Москва-реки.) Высшая премия – 12.000 руб.

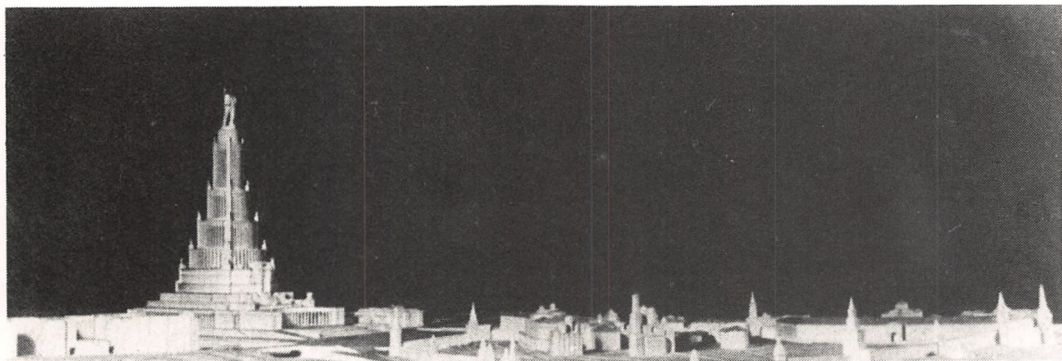
Проект Дворца Советов архитектора Душкина А. Присуждена 1-я премия – 10.000 руб.

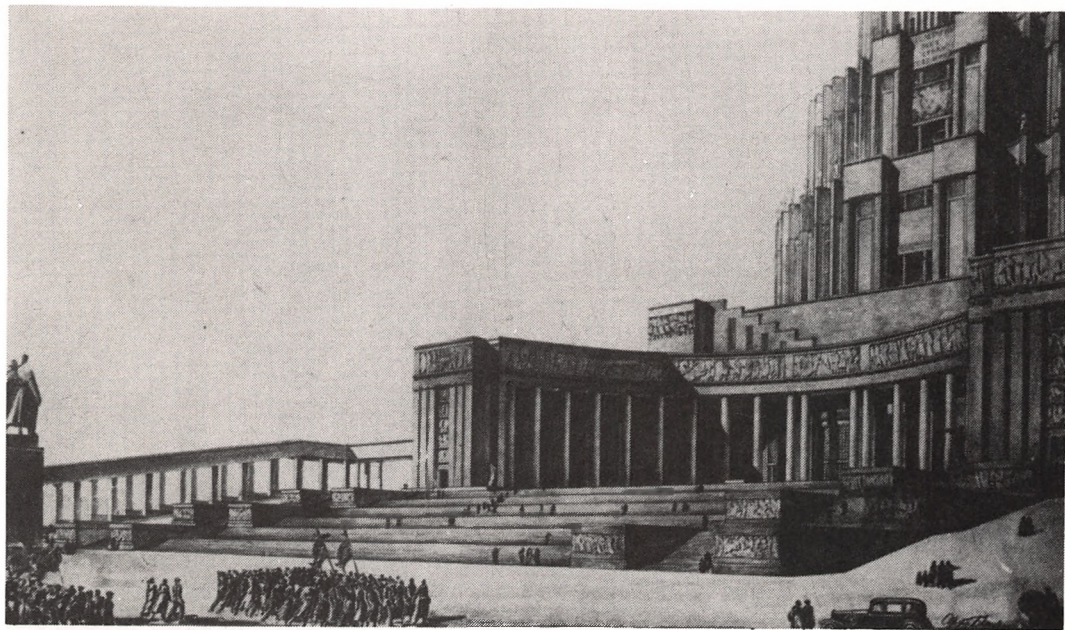
Макет Дворца Советов архитектора Б. Иофана.

Проект Дворца Советов архитектора Иофана. Присуждена высшая премия – 12.000 руб.

Модель Дворца Советов в масштабном равнении с окружающими постройками: 1-й Дом ВЦИК (слева) и Кремль (справа).

На снимке: принятый за основу Правительственной комиссией по строительству Дворца Советов проект архитектора Иофана Б. М.